

ЭЛЬ КЕННЕДИ

СДЕЛКА

«Я влюбилась в эту книгу! Гаррет — это просто мечта!»
МОНИКА МЕРФИ, АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
«ДЕВУШКА НА НЕДЕЛЮ»

Annotation

Это была умопомрачительная идея: связаться с мегасексуальным красавчиком, лучшим любовником университета для того, чтобы добиться внимания другого парня, в обмен на услуги репетитора.

А потом осмелеть настолько, чтобы тоже попросить его о помощи: потренироваться и довести свое умение целоваться до полного совершенства!

Эль Кеннеди — автор более пятидесяти романов, которые не раз попадали в список бестселлеров *The New York Times* и становились выбором читателей журнала *Romantic Times*.

«Я влюбилась в эту книгу! Гаррет — это просто мечта!» Моника Мерфи, автор бестселлера «Девушка на неделю»

Эль Кеннеди

Сделка

* * *

Он даже не подозревает о моем существовании.

В тысячный раз за последние сорок пять минут я тайком поглядываю на Джастина Кола. Он так красив, что у меня дух перехватывает. Хотя в этом случае мне следовало бы придумать другое определение — мои друзья мужского пола утверждают, что мужчинам не нравится, когда их называют *красивыми*.

Но, черт побери, просто невозможно как-то иначе описать мужественные черты его лица и проникновенный взгляд карих глаз. Сегодня на нем бейсболка, но я знаю, что она скрывает густые темные волосы, такие шелковистые и мягкие на ощупь, что хочется запустить в них пальцы.

За пять лет, прошедших с того жуткого дня, когда меня изнасиловали, мое сердце сильно забилося только дважды.

Но первый парень бросил меня.

А второй просто не замечал.

В аудитории, стоя за кафедрой, профессор Толберт произносит речь, которую я бы назвала «Речью обманутых надежд». Уже третью за шесть недель.

Сюрприз, сюрприз! Семьдесят процентов группы получили на промежуточном экзамене оценку C-плюс^[1] или ниже.

А я? Я получила высший балл. Я бы соврала, если б сказала, что большая красная A, обведенная кружком, не стала для меня полным шоком. Все, что я сделала, пытаюсь выполнить задание, — это настрочила бесконечный поток чепухи.

Предполагалось, что такой предмет, как этика, окажется легким и приятным. Препод, который вел ее, раздавал нам множество тупых тестов, а завершающий так называемый «экзамен» состоял из эссе на тему «Моральная дилемма и ваш собственный выбор».

Но за две недели до начала семестра профессор Лейн неожиданно умер от сердечного приступа. Болтали, что домработница нашла его на полу в ванной, голого. Жаль мужика.

К счастью (конечно, это шутка), появилась некая Памела Толберт и взяла курс Лейна. Она новичок в Брайаре, потому входит в круг тех преподавов, которые хотят заставить студентов работать вместе и «включаться» в материал. В каком-нибудь фильме она могла бы сыграть роль молодой, амбициозной учительницы, которая приходит в некую школу в небогатом, перенаселенном микрорайоне, ставит все с ног на голову, и вдруг подростки откладывают в сторону свои «калашниковы» и сразу хватаются за карандаши, а потом в конце ползут титры, где сообщается, что все ученики поступили в Гарвард, или еще какая-нибудь фигня. Хилари Суонк^[2] за эту роль тут же получает «Оскар».

Только у нас тут не кино снимают, так что Толберт добилась одного: теперь ее все ненавидят. Кажется, она искренне не понимает, почему никто не стремится получать высокие баллы по ее предмету.

Подсказка: потому что она предлагает темы, по которым обычно пишут выпускные работы.

— Всем, кто не написал эссе или получил C-минус или ниже, я готова предложить

пересдачу. — Толберт морщит нос, как будто не понимает, зачем это вообще надо.

Что за слово она произнесла — «готова», кажется? Да, точно. Я слышала, что толпы студентов ходят жаловаться на нее своим кураторам, и, подозреваю, что именно администрация вынуждает ее устроить для всех пересдачу. Когда больше половины курса проваливает экзамен, особенно если речь идет не о каких-то бездельниках, все это плохо сказывается на репутации университета. Экзамен завалили даже круглые отличники, вроде Нелл, которая сидит рядом со мной и дуется.

— Тем, кто выберет пересдачу, будет выставлена средняя оценка по двум работам. Если же у кого-то вторая оценка будет ниже, то в зачет пойдет первая, — заканчивает Толберт.

— Просто не верится, что ты получила А, — шепчет мне Нелл.

Она так расстроена, что мне даже ее жалко. Нас с ней ничего не связывает, мы даже не близкие подруги, но поскольку с сентября выбрали места по соседству, то, вполне естественно, уже успели узнать друг друга. Нелл учится на медицинском, и я знаю, что она из сверхпреуспевающей семьи, которая вымажет ее дегтем и вывалит в перьях, если узнает результаты этого экзамена.

— Мне тоже, — шепчу я. — Честное слово. Почитай мою писанину. Там же сплошная чушь.

— А что, можно? — Нелл преисполняется энтузиазма. — Полезно будет знать, что тиранша считает работой на «отлично».

— Сегодня же вечером переishю тебе по «мылу», — обещаю я.

Едва Толберт отпускает нас, аудитория тут же заполняется шумом «а давайте-ка уберемся к черту подальше отсюда». Захлопываются ноуты, тетради падают в рюкзаки, студенты вскакивают со своих мест.

Джастин Кол останавливается у двери, чтобы с кем-то поговорить, и мой взгляд устремляется к нему, как реактивный снаряд. Он прекрасен.

Я уже рассказывала о том, как он красив?

Я смотрю на его совершенный профиль, и у меня потеют ладони. Парень учится в Брайаре с этого года — перевелся из какого-то колледжа, не знаю, из какого именно, — и уже успел стать общепризнанной звездой футбола в качестве принимающего, но он сильно отличается от других спортсменов. Например, не шляется по территории с высокомерной ухмылкой избранника божьего и не появляется каждый день в обнимку с новой девчонкой. Я видела, как он шутил и смеялся, стоя в компании своих товарищей по команде, и при этом в нем чувствовались интеллект и сила. Возможно, он далеко не так прост, как кажется. И из-за этого мне еще отчаянней хочется получше узнать его.

Я не особо жалею качков, но в этом есть нечто такое, что превращает меня в набитую дуру.

— Опять принялась за старое.

Насмешливый голос Нелл заставляет меня покраснеть. Она уже не раз ловила меня на том, как я таращусь на Джастина, и она одна из немногих, кому я призналась в своей слабости.

Элли, моя соседка по комнате, тоже знает, а вот другие мои друзья? Нет, черт побери. Большинство из них учится на музыкальном или на актерском, так что мы тут все знатоки искусства. Или, может, эмоциональной сферы. Их всех — кроме Элли, которая с первого курса вязнет в то разгорающихся, то затухающих отношениях с однокурсником — хлебом не корми, только дай обсмеять элиту Брайара. Обычно это происходит без меня (мне нравится

думать, что я выше сплетен), но... взглянем правде в глаза. Большинство популярных студентов — и правда дебилы.

За примером далеко ходить не надо: Гаррет Грэхем, еще одна спортивная звезда на нашем курсе. У этого придурка такой вид, будто университет принадлежит ему. Думаю, в какой-то мере это так. Ему достаточно щелкнуть пальцами, и рядом с ним мгновенно появляется готовая на все девица — прыгает ему на колени или сует свой язык ему в глотку.

Однако сегодня Гаррет не выглядит СПКЧ^[3]. Все уже вышли из аудитории, в том числе и Толберт, а он сидит на своем месте, вцепившись руками в тест.

Наверное, он тоже не сдал, но мне его не жалко. Брайар прославился двумя вещами: хоккеем и футболом, что не особо шокирует, если учесть, что Массачусетс — это родной дом для *Patriots* и *Bruins*^[4]. Спортсмены, играющие за наш университет, обычно пополняют ряды профессионалов, и за время учебы им все преподносится на серебряном блюде, в том числе и оценки.

Так что — да, может, я не лишена мстительности, но я торжествую от мысли, что Толберт «завалила» капитана нашей хоккейной команды-чемпиона.

— Не хочешь перехватить чего-нибудь в «Кофе-Хат»? — спрашивает Нелл, собирая учебники.

— Не могу. У меня через двадцать минут репетиция. — Я встаю, но уходить не спешу. — Ты иди. Мне нужно еще проверить расписание. Не могу вспомнить, когда у меня следующая консультация.

Еще одна «фишка» курса Толберт — это две получасовые консультации каждую неделю, которые мы обязаны посещать. Единственный положительный момент состоит в том, что их ведет ассистентка Дана, а она обладает всеми теми качествами, которых недостает Толберт. Например, чувством юмора.

— Ладно, — вздыхает Нелл. — Увидимся позже.

— До встречи, — говорю ей вслед.

При звуке моего голоса Джастин останавливается в дверях и поворачивает голову.

О! Боже! Мой!

Я ничего не могу сделать с ярким румянцем, заливающим мне щеки. Это наш первый зрительный контакт, и я не знаю, как реагировать. Сказать «привет»? Помахать? Улыбнуться?

В конечном итоге я едва заметно киваю. Вот так. Равнодушно и небрежно, как и подобает искушенной студентке.

Мое сердце спотыкается, когда уголок рта Джастина слегка приподнимается в улыбке. Он кивает в ответ и уходит.

Я таращусь на пустой дверной проем. Пульс скачет галопом. Ни фиги себе! После шести недель, что мы дышали одним и тем же спертым воздухом в этой аудитории, он наконец-то заметил меня!

Я жалею, что не отважилась пойти за ним. Может, даже пригласить выпить кофе. Или поужинать. Или пригласить на бранч... Стоп, а у людей нашего возраста может быть бранч?

Мои ноги будто приросли к блестящему ламинату.

Потому что я трусиха. Да, черт побери, я трусливая курица. Я в ужасе, что он скажет «нет», но мне еще страшнее от того, что он скажет «да».

Когда я начала учиться в колледже, то уже стабилизировалась. Беда осталась позади, моя бдительность ослабла. Я была готова к тому, чтобы снова ходить на свидания, и я ходила.

Я встречалась с несколькими парнями, но никто, кроме Девона, моего бывшего, не заставлял мое тело так реагировать, как делает это Джастин Кол, что дико меня пугает.

«Маленькими шажками».

Вот именно. Маленькими шажками. Это был любимый совет моего психотерапевта, и я не могу отрицать, что эта стратегия во многом помогла мне. Сосредоточься на маленьких победах, всегда мне советовала Кэрол.

Итак... сегодняшняя маленькая победа... Я кивнула Джастину, и он улыбнулся мне. На следующей лекции я, наверное, улыбнусь в ответ. А еще на следующей я возьму на себя инициативу насчет кофе, ужина или бранча.

Я глубоко вздыхаю и иду по проходу, пестуя в себе чувство крохотной, но все же победы. Маленькими шажками.

* * *

Гаррет

Я не сдал.

Я, черт побери, не сдал.

Пятнадцать лет Тимоти Лейн раздавал *A*, как леденцы. И надо же такому случиться, чтобы именно в тот год, когда я записываюсь на этот курс, «мотор» Лейна заглохнет, а я упрусь в эту Памелу Толберт.

Заявляю совершенно официально. Эта женщина — мой заклятый враг. От одного вида этого вычурного почерка — ее писанина заполняет каждый свободный дюйм на полях моей работы — мне хочется превратиться в Невероятного Халка и разорвать листы на мелкие кусочки.

По большинству других предметов я дотягиваю до *A*, но по этике у меня выходит *F*. В сочетании с *C*-плюс по истории Испании средний балл падает до *C*-минус.

А мне нужно *C*-плюс, чтобы оставаться в команде.

Обычно у меня нет никаких проблем с тем, чтобы поддерживать средний балл на нужном уровне. Несмотря на то что думают окружающие, я совсем не тупой качок. Хотя пусть думают, я не против. В частности, девицы. Кажется, они сдвинуты на мечте трахнуть мускулистого дикаря, который только на одно и годен. А что до меня, то я не ищу ничего серьезного, меня вполне устраивают случайные перепихи с телками, которых интересуется только мой член. Зато остается больше времени для хоккея.

Но никакого хоккея не будет, если я не получу нужный балл. Знаете, что в Брайаре хуже всего? Наш декан требует совершенства и в учебе, и в спорте. В других колледжах к спортсменам более снисходительны, а в Брайаре проводится политика нулевой терпимости.

Чертова Толберт. Еще в самом начале занятий я подходил к ней и просил дополнительные баллы, и она своим гнусавым голоском велела мне посещать консультации и встречи исследовательской группы. Что я и делаю. В общем, мне остается только найти какого-нибудь вундеркинда, чтобы он надел маску с моим лицом и вместо меня отправился на пересдачу... иначе мне конец.

Мое раздражение выражается в довольно громком стоне, и краем глаза я вижу, как кто-

то удивленно вздрагивает.

Я тоже вздрагиваю, потому что думал, что барахтаюсь в своей беде в одиночестве. Девчонка, которая обычно сидит на последнем ряду, идет по проходу к столу Толберт.

Мэнди?

Марти?

Я не могу вспомнить, как ее зовут. Наверное, потому, что я так и не удосужился узнать. А она клевая. Гораздо симпатичнее, чем я думал. Милое личико, темные волосы, соблазнительная фигурка — черт, как же получилось, что я раньше ее не замечал?

Зато сейчас заметил. Узкие джинсы обтягивают круглую аппетитную попку, которая так и кричит: «Ущипни меня!» Пуловер с угловым вырезом подчеркивает впечатляющий бюст. У меня нет времени восхищаться всеми этими прелестями, так как девчонка замечает мой взгляд и хмурится.

— У тебя все в порядке? — спрашивает она, глядя на меня в упор.

Я бурчу себе под нос. Я не в том настроении, чтобы вести беседы.

У нее изгибается одна бровь.

— Прости, это был английский?

Я комкаю свою работу и с грохотом отодвигаюсь на стуле.

— Я сказал, что все нормально.

— Что ж, хорошо. — Она пожимает плечами и идет дальше.

Девчонка подходит к доске, на которой вывешено наше расписание, а я надеваю куртку с логотипом университетской хоккейной команды, пихаю бумаги в рюкзак и застегиваю на нем «молнию».

Темноволосая девица поворачивается, чтобы уйти. Мона? Молли? Похоже, имя точно начинается на М, но вот остальная его часть для меня тайна. У нее в руке ее работа, но я даже не пытаюсь разглядеть оценку, так как уверен, что она тоже завалила экзамен.

Я пропускаю ее вперед и иду следом. Можно было бы сказать, что во мне проснулся джентльмен, но это было бы ложью, просто хочу еще раз взглянуть на ее попку, потому что у нее чертовски аппетитная попка. Шагая вслед за ней, я вдруг понимаю, какая же девчонка маленькая! Я на одну ступеньку ниже ее, но все равно вижу ее макушку.

Когда мы подходим к двери, она спотыкается на абсолютно ровном месте, и ее книги с грохотом падают на пол.

— Черт. Какая же я неуклюжая.

Девчонка опускается на колени. Я тоже опускаюсь на колени, потому что, вопреки моему предыдущему заявлению, я могу вести себя по-джентльменски, когда хочу, а сейчас джентльменский поступок — это помочь ей собрать книги.

— Ой, не надо, я сама справлюсь, — настаивает она.

Но моя рука уже схватила ее экзаменационную работу, а челюсть отвисла, когда я увидел оценку.

— Проклятье! Ты написала на «отлично»? — спрашиваю я.

Она смущенно улыбается.

— Ага. Я была уверена, что не сдам.

— Ну и дела. — У меня такое чувство, будто я налетел на Стивена мать его Хоукинга^[5], и он помахал у меня перед носом тайнами Вселенной. — Можно почитать?

Ее бровь опять изгибается.

— Тебе не кажется, что это уже нахальство? Ведь мы даже не знакомы.

Я закатываю глаза.

— Я же не прошу тебя раздеться, детка, я просто хочу взглянуть на твою экзаменационную работу.

— Детка? Прощай, нахальство, здравствуй, бесцеремонность.

— Ты бы предпочла мисс? А может, мэм? Я бы обратился к тебе по имени, только не знаю, как тебя зовут.

— Естественно, не знаешь. — Она вздыхает. — Меня зовут Ханной. — Она делает многозначительную паузу. — Гаррет.

Ясно, я был оочень далеко от «М».

От моего внимания не укрывается, с каким подтекстом она произносит мое имя, как бы говоря: «Ха! А вот я твое, козел, знаю!»

Девчонка собирает оставшиеся учебники и встает, но я не могу отдать ей ее работу, вместо этого я тоже поднимаюсь и начинаю листать страницы. Мое настроение опускается ниже плинтуса, потому что если Толберт жаждет получить вот такой анализ, то мне конец. Ведь я же не просто так оказался на историческом — я имею дело с фактами. С черным и белым. Вот это случилось тогда-то и тогда-то вот с этим человеком, и вот вам результат.

В работе Ханны полно теоретического дерьма, она расписывает, как философы отреагировали бы на различные нравственные дилеммы.

— Спасибо. — Я отдаю ей бумаги, затем цепляюсь большими пальцами за ремень своих джинсов. — Эй, послушай. Ты... могла бы... — Я пожимаю плечами. — Знаешь...

Ее губы дергаются, как будто девчонка сдерживает улыбку.

— Между прочим, я не знаю.

Я вздыхаю.

— Ты подтянешь меня?

В ее зеленых глазах — очень темного оттенка зеленого, я в жизни такого не видел, да еще и в обрамлении густых темных ресниц, — удивление сменяется скепсисом.

— Я заплачу, — поспешно добавляю я.

— О. Гм. Ну да, конечно, заплатишь, как же иначе. Но... — Она качает головой. — Извини. Не смогу.

Я стараюсь не показать своего разочарования.

— Да ладно тебе, сделай одолжение. Если я провалю пересдачу, мой средний балл рухнет. Ну, пожалуйста, а? — Я одаряю ее улыбкой, той самой, при которой на щеках появляются ямочки и от которой девчонки всегда млеют.

— Это всегда срабатывает? — с любопытством спрашивает Ханна.

— Что?

— Да вот эта застенчивая улыбочка маленького мальчика... Она всегда помогает тебе добиться своего?

— Всегда, — без колебаний отвечаю я.

— Почти всегда, — поправляет она меня. — Послушай, мне жаль, но у меня действительно нет времени. Я и работаю, и учусь, к тому же приближается зимний конкурс и у меня будет еще меньше времени.

— Зимний конкурс? — тупо переспрашиваю я.

— Ой, забыла. Поскольку это к хоккею не относится, то находится вне поля твоего зрения.

— И кто тут у нас бесцеремонный? Ты же даже не знаешь меня.

Ханна секунду молчит, потом вздыхает.

— Я учусь на музыкальном, ясно? Искусствоведческий факультет каждый год устраивает два главных конкурса, зимний и весенний. Победитель получает премию в пять тысяч долларов. Это очень серьезное мероприятие. На него приезжают важные люди со всей страны. Агенты, продюсеры звукозаписывающих компаний, искатели талантов... Так что я бы и рада тебе помочь...

— Но не сможешь, — бурчу я. — У тебя, как я погляжу, даже нет желания разговаривать со мной.

Ее легкое передергивание плечами в стиле «ты меня достал» чертовски раздражает.

— Мне надо на репетицию. Мне жаль, что ты завалил этот предмет, но если тебе от этого станет лучше, я напомню, что завалили все.

Я прищуриваюсь.

— Но не ты.

— Ничего не поделаешь. Толберт, кажется, впечатлилась моей писаниной. Это подарок свыше.

— Ну а я тоже хочу подарок. Пожалуйста, научи меня выдавать такую же фигню, ты же в этом дока.

Я уже готов упасть на колени и умолять ее, но Ханна уже стоит у двери.

— Ведь ты знаешь, что есть исследовательские группы, да? — спрашивает она. — Я могу дать тебе номер...

— Я уже туда хожу, — бормочу я.

— А. Ну, тогда я мало чем могу тебе помочь. Удачи на пересдаче. *Детка.*

Ханна выходит за дверь, а я в ярости смотрю ей вслед. Просто не верится! Любая девчонка в колледже отрезала бы себе руку, лишь бы мне помочь. А эта? Бежит прочь, словно я попросил ее убить кошку, чтобы принести жертву сатане.

В общем, я там же, где и был до того, как Ханна-не-с-буквы-М дала мне искорку надежды.

В полном обломе.

Когда я возвращаюсь после занятия исследовательской группы и захожу в гостиную, обнаруживаю, что мои соседи пьяные в стельку. Журнальный столик завален пустыми пивными банками, тут же валяется почти высосанная бутылка «Джека», которая, насколько мне известно, принадлежит Логану, потому что он исповедует философию «пиво только для телок». Его слова, не мои.

Логан и Такер ожесточенно сражаются в *Ice Pro*, их взгляды прикованы к экрану, и они иступленно жмут на кнопки. Увидев меня в дверях, Логан слегка косится в мою сторону, и эти доли секунды обходятся ему очень дорого.

— Черт, да! — вопит Так, когда его защитник кистевым ударом посылает шайбу мимо вратаря Логана, и табло загорается.

— Мать твою! — Логан ставит игру на паузу и мрачно смотрит на меня. — Какого фига, Джи? Я из-за тебя лоханулся.

Я не отвечаю, потому что мое внимание привлекает полуголая парочка в углу, устроившая там секс-сессию. Дин в своем репертуаре. С голым торсом и босой, он развалился в кресле, а на нем верхом сидит какая-то блондиночка в кружевном черном бюстгальтере и шортиках в обтяжку и трется о его пах.

Дин смотрит на меня темно-синими глазами поверх плеча телки и ухмыляется.

— Грэхем! Какого черта, где ты был? — невнятно вопрошает Дин.

Я не успеваю отреагировать на этот пьяный лепет, так как он снова принимается целовать блондинку.

Почему-то Дину нравится трахаться где угодно, только *не* в своей комнате. Серьезно. Когда бы я его ни видел, он всегда занимается каким-нибудь непотребством. На столешнице в кухне, на диване в гостиной, на столе в столовой — этот дебил использует для таких дел каждый сантиметр нашего дома, который мы арендуем на четверых за пределами кампуса. Он, как кобель, набрасывается на все, что движется, и ничуть этого не стесняется.

Хотя куда я лезу. Я сам далеко не монах, да и Логан с Таким тоже. Что можно сказать? Хоккеисты все озабоченные ублюдки. Когда мы не на льду, нас можно найти в объятиях наших фанатов, одной или сразу парочки. Или даже троечки, если тебя зовут Такер, а на дворе канун прошлого Нового года.

— Я уже час засыпаю тебя эсэмэсками, старик, — сообщает мне Логан.

Он всей своей массой подается вперед и смахивает со столика бутылку из-под виски. Логан самый настоящий боец, я с лучшим защитником не играл. А еще он отличный друг. Его имя Джон, но мы все зовем его по фамилии, потому что так проще не перепутать его с Такером, которого тоже зовут Джон. К счастью, Дин — просто Дин, так что нам не приходится звать его по фамилии. А фамилия у него еще та, язык сломаешь: Хейворд-Ди Лаурентис.

— Я серьезно, где тебя черти носили? — ворчит Логан.

— В исследовательской группе. — Я беру со стола банку *Bud Light* и дергаю за колечко. — А что за сюрприз, о котором ты все время трепался?

Я всегда могу определить, в каком состоянии Логан, по грамматическим ошибкам в его сообщениях. Сегодня он был пьян в хлам, потому что мне пришлось влезть в шкуру Шерлока Холмса, чтобы расшифровать его сообщения. «Српрз» означало «сюрприз». А вот чтобы расшифровать «Тсюсза», потребовалось больше времени, но думаю, что он имел в виду «тащи сюда свою задницу». Хотя кто его знает.

Взгромоздившись на диван, Логан улыбается так широко, что даже странно, как у него не отваливается челюсть. Он поднимает большой палец, тычет им вверх и говорит:

— Иди наверх и посмотри сам.

Я прищуриваюсь.

— А зачем? Кто там?

Логан хмыкает.

— Не скажу, чтобы не портить сюрприз.

— Почему-то у меня такое чувство, что вы затеяли какую-то гадость.

— Господи, — встречает Такер. — У тебя, Джи, серьезные проблемы с доверием.

— И кто это говорит — та задница, которая в первый день семестра оставила в моей комнате живого скунса.

Такер усмехается.

— Ой, да ладно, Бандит был само очарование. Это был подарок тебе на возвращение с каникул.

Я показываю ему средний палец.

— Как же, от твоего подарка было чертовски трудно избавиться. — Я мрачно смотрю на него, потому что хорошо помню, как трое служащих из службы по контролю за вредителями «дескунсили» мою комнату.

— Черт побери, — стонет Логан. — Да иди же ты туда, наконец. Поверь мне, потом скажешь за это «спасибо».

Они обмениваются понимающими взглядами, и меня немного отпускает. Только это не значит, что я полностью теряю бдительность — с этими придурками никогда нельзя расслабляться.

По дороге я прихватываю еще две банки пива. Во время сезона я много не пью, но тренер дал нам неделю отпуска для сдачи экзамена. Так что у нас осталось еще два свободных дня. Мои товарищи по команде могут без проблем «уговорить» двенадцать банок, а на следующий день играть как чемпионы. Везет же ублюдкам. А я? Даже от легкого кайфа у меня поутру начинает шуметь в голове, а на коньках я передвигаюсь, как малолетка, осваивающий свою первую пару «Бауэров».

Когда мы вернемся к графику шесть тренировок в неделю, мое потребление алкоголя снизится до обычного предела — один/пять. Одна порция вечером после тренировки, пять после игры. Никаких исключений.

Я собираюсь в полной мере воспользоваться оставшимся у меня временем.

Вооружившись пивом, я иду наверх в свою комнату. В хозяйскую спальню. Чтобы захватить ее, я не стал мелочиться и разыграл козырь «я ваш капитан». И, поверьте мне, эта комната стоила споров с товарищами. Ведь при ней есть своя ванная, детка.

Дверь в комнату приоткрыта, и это тут же снова переключает меня в режим подозрительности. Я осторожно смотрю вверх, чтобы убедиться, что с притолоки на меня ничто не обрушится, затем легонько толкаю ее и медленно протискиваюсь, готовый к засаде.

Засада меня и поджидает.

Только это скорее визуальная засада, потому что девица на моей кровати выглядит так, будто сошла с каталога *Victoria's Secret*.

Послушайте, я же мужик. Я не знаю названий половины той фигни, что на ней надето. Я вижу белое кружево, розовые бантики и много открытого тела. И я счастлив.

— Долго же ты не шел. — Кендалл призывно улыбается мне, как бы говоря: «Сейчас я сделаю тебя счастливым, большой мальчик», и мой член реагирует соответственно, мгновенно увеличившись в размерах. — Я сказала себе, что подожду еще пять минут и уйду.

— Значит, я успел. — Я оглядываю сексапильный прикид и спрашиваю: — Что, детка, это для меня?

Ее голубые глаза соблазнительно темнеют.

— Ты и сам это знаешь, жеребец.

Я отлично понимаю, что наш разговор напоминает диалог героев дрянной порнухи. Но когда мужчина входит в свою спальню и обнаруживает там женщину вот в таком виде? Он готов играть тот спектакль, который она предлагает, пусть даже ему для этого приходится изображать разносчика, доставляющего пиццу какой-нибудь ТКХТ^[6].

Мы с Кендалл подцепили друг друга летом — почти все разъехались на каникулы, так что выбор у нас обоих был небольшой. Мы пару раз сходили в бар, а потом все завертелось само собой, и я уже вовсю тусовался с горячей девочкой из «сестринского»^[7] общества. Но наши отношения выдохлись еще до начала семестра, и до сегодняшнего дня я с Кендалл больше не виделся: все общение ограничивалось несколькими непристойными эсэмэсками.

— Я решила, что тебе, может, захочется повеселиться перед началом тренировок, — тянет она, теребя наманикюренным пальчиком крошечный розовый бантик на бюстгальтере.

— Правильно решила.

Ее губы растягиваются в улыбку, и она поднимается на колени. Проклятье, ее сиськи буквально вываливаются из этой кружевной штуковины.

— Иди сюда, — манит меня пальчиком Кендалл.

Не теряя времени я шагнул к ней. Ведь... как-никак... я мужчина.

— Мне кажется, ты слишком одет, — замечает она, оттягивая пояс на моих джинсах и отстегивая пуговицу. Затем расстегивает «молнию», и вот уже мой «друг» в ее ласковой руке. Я давно не занимался стиркой, и заниматься этой нудятиной мне совсем не хочется, по этому хожу без нижнего белья. И судя по тому, как загорелись глаза Кендалл, она это в полной мере одобряет.

Когда она обхватывает мой член пальцами, я непроизвольно издаю стон. О да. Нет ничего приятнее, чем чувствовать там женскую руку.

Нет, я ошибаюсь. В дело вступает язык Кендалл, и вот это, черт побери, значительно приятнее, чем рука.

* * *

Час спустя Кендалл уютно устраивается рядом со мной и кладет голову мне на грудь. Ее белье и моя одежда раскиданы по полу, там же валяются две вскрытые упаковки от презервативов и тюбик со смазкой, который нам даже не понадобилось открывать.

Сопение Кендалл у меня под боком заставляет меня напрячься, но я не могу оттолкнуть девушку и потребовать, чтобы она катилась куда подальше, тем более после тех огромных

усилий, что она вложила в это обольщение.

Однако это тоже вызывает у меня тревогу.

Ведь женщины не наряжаются в дорогое белье ради простого перепиха, верно же? Я отвечаю себе «нет», и следующие слова Кендалл подтверждают мои невеселые предположения.

— Я так скучала по тебе, малыш.

Моя первая мысль: «Черт».

Вторая: «Зачем?»

Потому что за все время наших отношений Кендалл не делала ни единой попытки узнать меня поближе. Если мы не трахались, она безостановочно говорила о себе. Нет, правда, с момента нашей встречи она, кажется, не задала мне ни одного личного вопроса.

— Гм... — Я пытаюсь найти слова, такой набор слов, чтобы он не состоял из «я», «тоже» и «скучал». — Я был занят. Ты же знаешь, экзамены.

— Само собой. Мы же учимся в одном колледже. Я тоже готовилась. — Теперь в ее голосе слышится недовольство. — А ты по мне скучал?

Чтоб ее. Что я должен ответить на это? Я не собираюсь врать, потому что моя ложь введет ее в заблуждение. Но я не могу поступить как полный говнюк и признаться в том, что я ни разу даже не вспомнил о ней.

Кендалл садится и прищуривается.

— Гаррет, ответ может быть либо «да», либо «нет». Ты. Скучал. По. Мне?

Мой взгляд мечется к окну. Ага, я на втором этаже и реально прикидываю, как выпрыгнуть в окно. Видите, как сильно я хочу избежать этого разговора.

Мое молчание говорит о многом, и неожиданно Кендалл соскакивает с кровати и принимается собирать свои вещи.

— О господи! Какой же ты козел! Скажи, Гаррет, я тебе совсем безразлична?

Я встаю и тянусь за своими джинсами.

— Ты мне не безразлична, — возражаю я. — Но...

Она сердито натягивает трусики.

— Что но?

— Но я думал, что мы оба уже определились с нашими отношениями. Я не хочу ничего серьезного. — Я устремляю на нее пристальный взгляд. — Я говорил тебе об этом с самого начала.

Выражение на ее лице смягчается, Кендалл закусывает губу.

— Знаю, но... я просто подумала...

Я точно знаю, что она подумала: что я безумно влюблюсь в нее и наши случайные перепихи трансформируются в гребаный «Дневник памяти».

Если честно, я не знаю, почему я так стремлюсь устанавливать основные правила. По собственному опыту могу сказать: ни одна женщина не пойдет на случайные отношения, если будет считать, что они так и останутся случайными. Она может говорить что угодно, убеждать себя в своей независимости и приверженности сексу без каких-либо обязательств, но в душе всегда надеется на нечто более глубокое и даже молится об этом.

И тут вваливаюсь я, злодей в ее романтической истории, и безжалостно протыкаю воздушный шарик надежды, несмотря на то что я никогда не лгал насчет своих намерений и ни разу не обманывал ее.

— Моя жизнь — это хоккей, — резко говорю я. — Я тренируюсь шесть дней в неделю,

играю двадцать игр за год или даже больше, если учитывать матчи после сезона. У меня нет времени на постоянные отношения, Кендалл. А ты заслуживаешь гораздо большего, чем я могу тебе дать.

Ее глаза становятся печальными.

— Я больше не хочу встреч от раза к разу. Я хочу быть твоей девушкой.

Еще одно «зачем» едва не слетает с моих губ, но я успеваю прикусить язык. Если бы я видел у нее другой интерес ко мне, кроме плотского, я, может, и поверил бы ей, но так как такого интереса не было, у меня непроизвольно возникает вопрос, а не хочет ли Кендалл постоянных отношений со мной только потому, что я являюсь для нее чем-то вроде символа некоего статуса.

Я сплываю раздражение и выдаю еще одно неуклюжее извинение:

— Прости. Но именно так и обстоят дела.

Я застегиваю «молнию» на джинсах, а она начинает собирать предметы своей одежды. Хотя «одежда», конечно, сильно сказано, потому что это нижнее белье и плащ. Теперь понятно, почему, когда я вернулся домой, Логан и Такер ржали, как идиоты. Если девушка заявляется к тебе в плащике, всем сразу ясно, что под плащиком ничего нет.

— Я больше не могу с тобой встречаться, — наконец говорит она, ловя мой взгляд. — Если все продолжится в таком... духе... я только сильнее привяжусь к тебе.

С этим не поспоришь, вот я и не спорю.

— Но нам было весело, правда?

После секундной паузы Кендалл улыбается.

— Да, было весело.

Она подходит ко мне, поднимается на цыпочки и целует меня. Я целую ее в ответ, но не так страстно, как раньше. Просто чмокаю. Вежливо. Наша связь изжила себя, и я не склонен снова ее реанимировать.

— С учетом сказанного... — В ее глазах появляется лукавый блеск. — Дай знать, если передумаешь.

— Ты будешь первой, кому я позвоню, — обещаю я.

— Вот и хорошо.

Она еще раз целует меня и уходит, а я стою, удивленный тем, как же просто все получилось. Я готовился к битве, но, если не считать мимолетной вспышки гнева, Кендалл приняла ситуацию как профессионал.

Вот если бы все женщины были такими же покладистыми, как она.

Не сравнить с Ханной.

От секса у меня обычно просыпается аппетит, поэтому я спускаюсь вниз на поиски пропитания. Я с радостью обнаруживаю остатки риса и жареной курицы — спасибо Таку, нашему повару: остальные не сумели бы и воды вскипятить, не устроив пожар. Такер вырос в Техасе, где жил без отца, с матерью, которая еще в детстве и научила его готовить.

На кухне я усаживаюсь за стойку, засовываю в рот кусок курицы, и тут входит Логан. На нем только клетчатые «боксеры».

При виде меня он изгибает бровь.

— Эй. А я думал, что до завтра тебя уже не увижу. Думал, ты будешь ОУТ.

— ОУТ? — спрашиваю я с полным ртом. Логану нравится строить аббревиатуры в надежде, что они войдут в наш сленг, но я редко понимаю, о чем он говорит.

Он усмехается.

— Очень усердно трахаться.

Я закатываю глаза и принимаюсь за рис.

— А что, Блонди уже ушла?

— Ага. — Я прожеываю, прежде чем продолжить. — Она знает положение вещей.

А положение таково: никаких постоянных отношений и уж точно никаких ночевок в моей кровати.

Логан опирается локтями на стойку и меняет тему.

— Жду не дождусь предстоящей игры в выходные. — Его голубые глаза азартно блестят. — Ты слышал? Отстранение Бракстона закончилось.

Вот это привлекает мое внимание.

— Нет, черт. Так в субботу он играет?

— Естественно. — Логан аж сияет от радости. — Я обязательно впечатаю эту рожу в борт.

Грег Бракстон — звезда левого крыла команды колледжа Сент-Энтони и самый настоящий кусок дерьма. Эта гадина реализует на льду свои садистские наклонности, и когда наши команды встретились на матче перед началом сезона, «благодаря» его усилиям одного из наших защитников, второкурсника, увезли со сломанной рукой на «скорой». Бракстона отстранили на три игры, хотя я бы навсегда запретил этому психу играть в студенческих командах.

— Если понадобится снести его, я буду рядом с тобой, — пообещал я.

— Я на тебя рассчитываю. Кстати, на следующей неделе к нам приедет «Иствуд».

Мне и в самом деле следует больше внимания уделять расписанию. Колледж Иствуд — номер два в нашей ассоциации (второй после нас, естественно), и наши матчи всегда превращаются в событие, которое заставляет понервничать.

Черт, до меня вдруг доходит, что если я не сдам этику, в игре с «Иствудом» я на лед не выйду.

— Проклятье, — бормочу я.

Логан тащит с моей тарелки кусок курицы и кладет в рот.

— Что?

Я ничего еще не говорил ребятам о ситуации со средним баллом, так как надеялся, что оценка за экзамен по этике ничего не испортит, но сейчас, похоже, признание неизбежно.

Я со вздохом начинаю рассказывать Логану о *F* по этике и о том, что это значит для команды.

— Брось этот курс, — тут же советует он.

— Не могу, все сроки вышли.

— Дерьмо.

— Угу.

Мы мрачно переглядываемся, затем Логан плюхается на табурет рядом со мной и пробегает ладонью по волосам.

— Значит, тебе придется подготовиться, старик. Не щадить своей задницы и получить чертово «отлично» у этой суки. Ты нам нужен, Джи.

— Знаю. — Я в ярости стискиваю вилку, потом отбрасываю ее, так как аппетит пропал. Я впервые возглавил команду, а быть капитаном — это большая честь, особенно если помнить, что я учусь на младших курсах. Предполагается, что я должен пойти по стопам своего предшественника и привести команду к следующему чемпионату страны. Но как,

дьявол побери, я могу это делать, если меня не выпустят на лед?

— У меня тут репетиторша организовалась, — говорю я ему. — Она до жути гениальная.

— Хорошо. Заплати ей, сколько скажет. Я в доле, если надо.

Я не могу удержаться от улыбки.

— Ого. Ты предлагаешь мне часть своего сладкого, сладкого налика? Должно быть, ты и в самом деле хочешь, чтобы я играл.

— В точку. Я забочусь о нашей мечте, старик. Ты и я в толстовках *Bruins*. Забыл?

Должен признаться, это чертовски приятная мечта. С тех пор как на первом курсе мы с Логаном оказались соседями по комнате, мы с ним только об этом и говорим. Я ни минуты не сомневаюсь в том, что после окончания колледжа стану профессионалом. Не сомневаюсь я и в том, что Логан тоже пройдет отбор. Он быстрее молнии, а на льду — самый настоящий зверь.

— Давай, Джи, разбирайся с этим чертовым средним баллом, — приказывает он. — Иначе я надеру тебе задницу.

— Скорее это тренер сделает. — Я выдавливаю из себя улыбку. — Не беспокойся. Я работаю над этим.

— Вот и отлично. — Логан схватил еще один кусок курицы и вышел из кухни.

Я быстро заглываю остатки еды и поднимаюсь наверх за своим телефоном. Пора усилить давление на Ханну-не-с-буквы-М.

— Я действительно считаю, что ты должна петь последнюю ноту в ми мажор, — настаивает Кэсс. Он, как заезженная пластинка, выдает один и тот же неразумный совет каждый раз, когда мы заканчиваем наш дуэт.

Вообще-то я пацифистка. Я не верю в то, что кулаки помогут решить проблему. Я думаю, что организованные битвы — это варварство, сама идея войны вызывает у меня тошноту.

И все же я очень близка к тому, чтобы врезать Кэссиди Donovanу по роже.

— В такой тональности — это слишком низко для меня. — Мой голос звучит твердо, но я не могу скрыть досаду.

Кэсс раздраженно проводит рукой по волнистым волосам и поворачивается к Мэри-Джейн, которая неловко ерзает на табурете у пианино.

— Эм-Джи, ты же знаешь, что я прав, — говорит он ей с мольбой в голосе. — Ведь получится сногшибательно, если Ханна и я закончим в унисон, а не будем петь в гармонию.

— Нет, эффект будет сильнее, если мы как раз будем петь именно так, — возражаю я.

Я уже готова рвать на себе волосы. Я точно знаю, куда гнет Кэсс. Он хочет закончить песню на своей ноте. Он несет эту пургу с тех пор, как мы решили вместе выступить на зимнем конкурсе, и делает все возможное, чтобы выделить свой голос, а мой задвинуть на задний план.

Если бы я знала, что за чертова примадонна этот Кэсс, я бы в жизни не согласилась на дуэт. Но этот болван решил показаться в своем истинном свете только *после того*, как мы начали репетировать, а сейчас уже поздно идти на попятный. Я слишком много времени отдала дуэту, и, если честно, песня мне очень нравится. Мэри-Джейн написала действительно великолепное произведение, и у меня нет ни малейшего желания подводить ее. Кроме того, я точно знаю, что на факультете больше предпочитают дуэты, чем сольные выступления, — последние четыре раза побеждали, как раз, дуэты. Судьи просто тащатся от сложных гармоний, а в нашем произведении их тьма-тьмушая.

— Эм-Джи? — наседает Кэсс.

— Мм...

Я вижу, как Мэри-Джейн, маленькая блондинка, тает под его магнетическим взглядом. Так уж Кэсс действует на женщин. Он до ужаса красив, и голос у него феноменальный. К сожалению, Кэсс прекрасно знает о своих достоинствах и бессовестно использует их.

— Может, Кэсс и прав, — тихо говорит Мэри-Джейн. Она избегает моего взгляда, понимая, что предает меня. — Ханна, а почему бы не попробовать ми мажор? Давайте сделаем это хотя бы один раз и решим, что лучше.

«Бенедикт Арнольд^[8]!» — хочется кричать мне, но я молчу. Как и я, Мэри-Джейн вынуждена выслушивать дикие требования Кэсса и его «блестящие» идеи, так что я не могу осуждать ее за попытку найти компромисс.

— Замечательно, — бурчу я. — Давайте попробуем.

Глаза Кэсса загораются торжеством, правда, ненадолго, потому что после первой же

попытка становится ясно, что его предложение никуда не годится. Для меня нота слишком низка, и, вместо того чтобы подчеркнуть яркий баритон Кэсса, своим неуклюжим звучанием я оттягиваю все внимание на себя.

— Думаю, Ханна должна придерживаться изначальной тональности. — Мэри-Джейн смотрит на Кэсса и закусывает губу, как будто боится его бурной реакции.

Хотя Кэсс и заносчив, он не дурак.

— Замечательно, — резко бросает он. — Пусть будет по-твоему, Ханна.

Я скрежещу зубами.

— Спасибо.

К счастью, наш час заканчивается, а это означает, что репетиционную займут первокурсники. Мне так хочется побыстрее убраться отсюда, что я быстро собираю ноты и накидываю куртку. Чем меньше времени я проведу в обществе Кэсса, тем лучше.

Господи, я просто не выношу его.

А ведь нам — какая ирония — предстоит исполнять очень эмоциональную любовную песню.

— Завтра в то же время? — Он выжидательно смотрит на меня.

— Нет, ты забыл, что завтра у нас на четыре? По вторникам я работаю вечером.

На его лице отражается недовольство.

— Ты же понимаешь, мы бы уже давно подготовили эту песню, если бы у тебя было более... удобное расписание.

Я изгибаю бровь.

— Сказал парень, который отказывается репетировать по выходным. А я, так уж получилось, свободна вечером в субботу и в воскресенье.

Кэсс поджимает губы и уходит прочь, не сказав ни слова.

Козел.

Я слышу позади себя тяжелый вздох. Я поворачиваюсь и понимаю, что Мэри-Джейн все еще сидит за пианино и все еще кусает губу.

— Прости, Ханна, — тихо говорит она. — Когда я попросила вас спеть мою песню, я не представляла, что с Кэссом будет так трудно.

Я вижу, как сильно она расстроена, и моя досада улетучивается.

— Эй, ты здесь ни при чем, — говорю я ей. — Я тоже не думала, что Кэсс окажется таким придурком, но поет он потрясающе, так что давай сосредоточимся на этом, ладно?

— Ты тоже великолепная певица. Поэтому-то я и выбрала вас двоих. Я не могла представить, у кого еще получится вдохнуть жизнь в эту песню, понимаешь?

Я улыбаюсь ей. Она и в самом деле милая девчонка, а еще она одна из самых талантливых композиторов, которых я когда-либо встречала. На конкурсах должны исполняться только произведения, созданные студентами композиторского отделения, и я планировала выбрать одну из песен Мэри-Джейн еще до того, как она предложила мне свое новое сочинение.

— Обещаю тебе, Эм-Джи, мы будем репетировать твою песню до полного изнеможения. И игнорировать бредовые истерики Кэсса. Думаю, ему нравится спорить просто ради спора.

Она смеется.

— Да, наверное. До завтра?

— Ага. Ровно в четыре.

Я машу ей и выхожу на улицу.

Больше всего в Брайаре я люблю кампус. Старинные здания, увитые плющом, соединены друг с другом вымощенными брусчаткой дорожками. По обеим сторонам дорожек растут раскидистые вязы и стоят кованые скамейки. Этот университет — один из старейших в стране, и среди его выпускников числятся десятки влиятельных персон, в том числе и не один президент.

Но самое главное достоинство Брайара — это его безопасность. Честное слово, уровень преступности равен почти нулю, и все это благодаря стремлению декана Фэрроу защитить своих студентов. Администрация вкладывает в безопасность кучу денег, устанавливая в стратегически правильных местах камеры наблюдения и оплачивая труд охранников, которые круглые сутки патрулируют территорию. Нет, мы не чувствуем себя, как в тюрьме. Ребята из охраны очень дружелюбны, и нам никак не мешают. Я практически и не замечаю их присутствия на территории кампуса.

Мое общежитие в пяти минутах ходьбы от музыкального корпуса, и я облегченно вздыхаю, когда прохожу через массивные дубовые двери Бристоля-Хауса. День получился долгим, и мне хочется принять горячий душ и забраться в кровать.

Помещение, которое мы делим с Элли, скорее похоже на номер «люкс», чем на обычную для общежития комнату, в этом и заключается преимущество быть старшекурсником. У нас две спальни, одна маленькая общая комната и даже крохотная кухонька. Один недостаток — это общий санузел, которым мы пользуемся вместе с еще четырьмя девочками с нашего этажа. К счастью, никого из них нельзя назвать неряхами, поэтому унитаз и ванная у нас сияют чистотой.

— Эй, а ты поздно. — В мою комнату заглядывает соседка. В руке у нее стакан с соломинкой, через которую она потягивает нечто зеленое, комковатое и на вид ужасно неприятное. Правда, я уже привыкла к такому зрелищу. Элли «насыщается витаминами» последние две недели, а это означает, что каждое утро меня будит оглушающий вой блендера, в котором она готовит себе на день свою мерзкую жижу.

— У меня была репетиция. — Я сбрасываю обувь, кидаю куртку на кровать и принимаюсь раздеваться, несмотря на то что Элли все еще стоит в дверях.

Когда-то я стеснялась делать это в ее присутствии. На первом курсе мы с ней жили в одной комнате, и первые несколько недель я переодевалась под одеялом или ждала, когда Элли выйдет. Но жизнь в студенческом общежитии тем и отличается, что ты лишаешься уединенности, и остается только смириться с этим. Я хорошо помню, как в первое время меня смущали голые сиськи Элли. Но у этой девчонки напрочь отсутствует стыдливость, и когда она заметила мой ошарашенный взгляд, она просто подмигнула мне и сказала: «Хороши, а?»

После этого я перестала заморачиваться с переодеванием в кровати.

— Так, слушай...

Это небрежное вступления настораживает меня. Мы с Элли живем вместе уже два года, достаточно долго, чтобы уяснить: когда она начинает предложение с «Так, слушай», дальше обычно следует то, что слышать мне не хочется.

— М-м? — произношу я, заворачиваясь в халат.

— В среду вечером в Сигма-Хаусе тусовка. — В ее голубых глазах появляется непреклонный блеск. — Ты идешь со мной.

Я издаю стон.

— Вечеринка братства? Не пойду.

— Еще как пойдешь. — Настаивает она, складывая на груди руки. — Экзамены закончились, так что отговориться тебе нечем. К тому же ты обещала, что в этом году попробуешь стать более общительной.

Я действительно обещала, но... есть одно «но». Я не люблю вечеринки.

Я была изнасилована на вечеринке.

Господи, как же я ненавижу это слово. Изнасилование. Это одно из немногих слов в родном языке, от которого переворачивается все нутро. От него возникают такие же ощущения, как при мощном ударе в лицо, или когда тебе на голову выливают ведро ледяной воды. Оно уродливо и вносит страшный разлад в жизнь, а я изо всех сил стараюсь держать свое существование под контролем. Я продралась через то, что со мной произошло. Поверьте мне, продралась.

Я знаю, что моей вины в этом нет. Знаю, что никого не просила об этом и не делала ничего, чтобы спровоцировать. Произошедшее не лишило меня веры в людей и не породило страх перед всеми мужчинами. Многолетняя терапия помогла мне увидеть, что бремя вины лежит исключительно на *нем*. Что-то не так было с ним. Не со мной. Совсем не со мной. А самый главный урок состоит в том, что я поняла: я не жертва, я выжившая.

Однако я не могу утверждать, что нападение не изменило меня. Как раз напротив, изменило кардинально. Теперь у меня есть повод носить с собой газовый баллончик и установить в мобильнике быстрый набор «911». Теперь у меня есть причина не пить на людях и не принимать алкогольные напитки ни от кого, даже от Элли, потому что всегда будет вероятность того, что она может невольно подать мне стакан, в который что-то подмешано.

И у меня есть еще причина, почему я не хожу на многие вечеринки. Думаю, это моя версия ПТСР^[9]. Что-нибудь совершенно безобидное — звук, запах или вид чего-то — может пробудить во мне воспоминания и вытолкнуть их на поверхность. Я слышу грохот музыки, громкие голоса и раскатистый хохот, чувствую застоявшийся пивной дух и запах пота. Я нахожусь в толпе. И вдруг в одно мгновение оказываюсь в том времени, когда мне пятнадцать, на вечеринке у Мелиссы Майер, и опять погружаюсь в свой собственный кошмар.

Тон Элли смягчается, когда она видит на моем лице отчаяние.

— Мы же уже ходили на вечеринки, Хан-Хан. Все будет, как всегда. Я с тебя глаз не спущу, и мы обе не выпьем ни капли. Обещаю.

От стыда у меня сводит желудок. От стыда, от сожаления и отчасти от благоговейного восторга: честное слово, Элли невероятный друг. Ведь она не обязана оставаться трезвой и бдительно охранять меня только ради моего комфорта, однако она именно так и поступает, когда мы с ней вместе куда-то идем, и я искренне люблю ее за это.

И одновременно мне мерзко от того, что ей приходится делать все это.

— Ладно, — соглашаюсь я, не только ради ее блага, но и ради своего. Я действительно обещала ей, что буду больше общаться. Однако я также обещала самой себе, что в этом году попробую что-нибудь новенькое. Умерю бдительность и перестану шарахаться от незнакомцев. В моем представлении студенческая вечеринка — это не самое хорошее времяпрепровождение, хотя кто знает, может, мне там понравится.

Элли сияет:

— О-го-го! Мне даже не пришлось вытаскивать козырь!

— Какой козырь? — с подозрением спрашиваю я.

Ее губы растягиваются в улыбке.

— Там будет Джастин.

У меня тут же ускоряется пульс.

— Откуда ты знаешь?

— Мы с Шоном столкнулись с ним в столовой, и он сам нам сказал. Думаю, туда набегит немало наших тупоголовых.

Я хмурюсь.

— Он не тупоголовый.

— Ах, поглядите-ка на нашу умницу, как она защищает футболиста. погоди, дай я выгляну в окошко, не летают ли в небе свиньи.

— Ха-ха.

— Seriously, Хан, это действительно ненормально. Только пойми меня правильно. Я полностью «за», если ты влюбишься в кого-нибудь. Ведь, кажется, прошел год с тех пор, как вы с Девонем разбежались? Просто я не могу понять, как тебя угораздило втюриться в качка.

По спине пробегает холодок, мне становится неуютно.

— Джастин... он не такой, как остальные. Он другой.

— Сказала девушка, которая не обменялась с ним и парой слова.

— Он другой, — настаиваю я. — Джастин спокойный и серьезный, и, судя по тому, что я вижу, он, в отличие от товарищей по команде, не бегает за каждой юбкой. К тому же он умный — на прошлой неделе я видела, как он читает Хемингуэя.

— Вероятно, это из списка обязательной литературы.

— Хемингуэя в списке нет.

Элли прищуривается.

— Откуда ты знаешь?

Я чувствую, как краснею.

— На днях в аудитории одна девочка спросила его об этом, и он ответил, что Хемингуэй его любимый писатель.

— О боже. Теперь ты подслушиваешь его разговоры? А ты опасная! — Элли вздыхает. — Ладно, проехали. В среду вечером ты даже побеседуешь с этим парнем.

— Может быть, — уклончиво говорю я. — Если представится возможность...

— Я сама предоставлю тебе эту возможность. Seriously. Мы не уйдем оттуда, пока ты не поговоришь с Джастином. Мне плевать, если это будет всего лишь «Привет, как дела?». Главное, чтобы ты заговорила с ним. *Capiche*^[10]? — Я усмехаюсь. — *Capiche?* — строгим голосом повторяет она.

Я обреченно вздыхаю.

— *Capiche.*

— Вот и хорошо. А теперь быстро иди в душ, мы еще успеем перед сном посмотреть пару серий «Безумцев».

— Одну серию. Я так устала, что на большее меня не хватит. — Я улыбаюсь ей. — *Capiche?*

— *Capiche,* — хихикает она и танцующим шагом выходит из комнаты.

Посмеиваясь, я собираю все необходимое для душа, но тут меня снова отвлекают: в моей сумке начинает по-кошачьи истошно вопить мобильник. Я выбрала для сообщений этот рингтон потому, что душераздирающий вой звучит достаточно раздражающе, чтобы привлечь мое внимание.

Я кладу туалетные принадлежности на комод, роюсь в сумке в поисках телефона, затем просматриваю сообщение на экране.

Привет, это Гаррет. Хочу еще раз подтвердить детали: расписание консультаций.

Вот черт.

Даже не знаю, смеяться или плакать. Вцепился как клещ. Сейчас он у меня получит. Вздыхая, я быстро отстреливаю текст, короткий и совсем не любезный.

Я: Откуда у тебя этот номер?

Он: Изучил списки иссл. гр.

Вот черт. Я писала заявление в начале семестра, еще до того как Кэсс решил, что мы будем репетировать по понедельникам и средам именно в то время, когда собираются исследовательские группы.

Следующее сообщение приходит прежде, чем я успеваю ответить. Если кто-то и утверждает, что по тексту эсэмэски нельзя определить тон пишущего, то он ошибается. Потому что у Гаррета тон раздраженный.

Он: Если бы ты соизволила явиться на иссл. гр., мне бы не пришлось писать тебе.

Я: А ты вообще не должен писать мне. Я бы предпочла вообще ничего от тебя не получать.

Он: Что надо, чтоб ты сказала «да»?

Я: Абсолютно ничего.

Он: Отлично. Значит, ты работаешь бесплатно.

Мне не удастся сдержать стон.

Я: Не дожدهшься.

Он: Как насчет звтр вечером? Я свободен в восемь.

Я: Не смогу. У меня «испанка». Очень заразная. Я спасаю тебе жизнь, придурок.

Он: О, благодарю за заботу. Но у меня иммунитет к пандемии, которая с 1918 по 1919 г. угробила 40 млн чел.

Я: Откуда такие познания в пандемиях?

Он: Я же на историческом, детка. Я знаю массу бесполезных фактов.

Опять эта «детка». Ну, погоди. Пора кончать с этим, а то еще он вздумает флиртовать.

Я: Была рада поболтать. Удачи на пересдаче.

Проходит несколько секунд, но Гаррет не отвечает, и я мысленно похлопываю себя по плечу и хвалю за то, что так ловко отделалась от него.

Я уже собираюсь выходить из комнаты, когда телефон диким воплем извещает меня о том, что пришло мультимедийное сообщение. Вопреки здравому смыслу, загружаю изображение и через мгновение вижу на экране голую грудь. В смысле мужскую. Гладкая загорелая кожа, рельефная мускулатура и самые твердые шесть кубиков брюшного пресса, которые мне когда-либо приходилось видеть.

Я не выдерживаю и громко фыркаю.

Я: ЧЗЧ^[11]. Ты прислал мне фото своей груди?

Он: Ага. Сработало?

Я: Чтобы меня вывернуло? Да. Успех!

Он: Я меняю твоё восприятие. Пытаюсь подмазаться к тебе.

Я: Фи. Подмазывайся к к-ндругому. ЗЫ: я выложу фото на мой-брай.

Я, естественно, имею в виду «МойБрайар», наш университетский эквивалент

«Фейсбука», в котором есть аккаунты девяноста пяти процентов студентов.

Он: Флаг в руки. Куча телок с удовольствием разместит это в своих базах данных.

Я: Забудь этот номер, дебил. Я серьезно.

Не дожидаясь ответа, я бросаю телефон на кровать и иду в душ.

Университет Брайар находится в пяти милях от городка Гастингс, штат Массачусетс. В Гастингсе всего одна главная улица и около двух десятков магазинов и ресторанов. Городок настолько миниатюрный, что даже удивительно, как мне удалось найти там работу на неполный день. Я постоянно благодарю за это свою счастливую звезду, потому что большинство студентов, мечтающих работать во время учебного года, вынуждены ездить в Бостон и тратить на дорогу около часа туда и обратно. У меня же дорога занимает всего десять минут на автобусе или пять на машине, и вот я уже на месте, в кафе «У Деллы», где я с первого курса работаю официанткой.

Сегодня мне повезло: я доехала на машине. У нас договоренность с Трейси, девочкой, которая живет на моем этаже. Трейси позволяет мне пользоваться ее машиной, если она ей не нужна, а я возвращаю ее с полным баком. Это очень выгодная сделка, особенно зимой, когда все вокруг превращается в сплошной каток.

Я не очень люблю свою работу, но и не ненавижу ее. Платят хорошо, от кампуса недалеко, так что грех жаловаться.

Беру свои слова назад: сегодня у меня есть все основания для жалоб. Потому что за полчаса до окончания моей смены я обнаруживаю в кабинке Гаррета Грэхема.

Честное слово.

А этот парень *умеет* капитулировать?

У меня нет желания обслуживать его, но и выбора у меня тоже нет. Лиза, другая официантка в этой смене, обслуживает группу преподавателей, расположившихся за столиком на противоположном конце зала, а мой босс, Делла, за небесно-голубой стойкой раскладывает на тарелки пирог с орехом пекан для трех первокурсниц, сидящих перед ней на высоких табуретах.

Я стискиваю зубы и подхожу к Гаррету. Я специально демонстрирую недовольство, когда встречаюсь с взглядом его блестящих серых глаз. Он проводит рукой по коротким темным волосам, и на его лице вспыхивает кривоватая ухмылка.

— Привет, Ханна. Забавно видеть тебя здесь.

— Ага, забавно, — фыркаю я, доставая из кармана фартука блокнот. — Что желаешь?

— Репетитора.

— Извини, но в меню такого нет. — Я мило улыбаюсь. — Зато у нас очень вкусный пирог с пеканом.

— А знаешь, чем я занимался прошлым вечером? — спрашивает он, не обращая внимания на мой сарказм.

— Угу. Забрасывал меня эсэмэсками.

Он отмахивается.

— Нет, до этого.

Я делаю вид, будто задумалась.

— Гм... Трахался с кем-нибудь из группы поддержки? Нет, трахался с девчонками из хоккейной команды. Нет, подожди, они, наверное, недостаточно тупые для тебя. Так что я

возвращаюсь к своему первому предположению о чирлидерше.

— Между прочим, *она* — член сестринского общества, — нагло заявляет парень. — Но я спрашиваю о том, что я делал до этого. — Он изгибает темную бровь. — Кстати, меня заинтриговал твой интерес к моей половой жизни. В следующий раз, если хочешь, я опишу свою подружку во всех подробностях.

— Не хочу.

— В следующий раз, — безапелляционным тоном повторяет он, складывая руки на столе, застланном бело-голубой клетчатой скатертью.

У Гаррета длинные пальцы с короткими ногтями и слегка красными и припухшими костяшками. А не дрался ли он недавно, спрашиваю я себя и понимаю, что такие костяшки у него, вероятно, от игры в хоккей.

— Я был на занятиях исследовательской группы, — сообщает он. — Там было еще восемь человек, и знаешь, какая была самая высокая оценка? — Он выпаливает ответ прежде, чем я успеваю ответить. — С-плюс. А средний балл из всех получался *D*. Как, по-твоему, я смогу пересдать экзамен, если учусь с такими же тупицами, как я? *Я нуждаюсь* в тебе, Уэллси.

Уэллси? Это прозвище? И откуда, ради всего святого, он знает мою фамилию? Я ее не называла... черт. Проклятое заявление.

Гаррет замечает мой удивленный взгляд.

— Я много чего узнал о тебе на занятии. Раздобыл твой номер, выяснил фамилию, даже разведаль, где ты работаешь.

— Поздравляю, ты самый настоящий скаут.

— Нет, просто я дотошный. Я хочу знать, с чем мне предстоит иметь дело.

— Господь Всемогущий! Я не репетитор, ясно? Ищи для этого кого-нибудь еще. — Я указываю на меню перед ним. — Ты собираешься делать заказ? Если нет, тогда, пожалуйста, уходи и дай мне спокойно работать.

— Господь Всемогущий! — Гаррет хмыкает, а потом с любопытством разглядывает меню. — Я буду клубный с индейкой. — Он откладывает меню и берет его снова. — И двойной чизбургер с беконом. Но без картошки. Хотя нет, я передумал — с картошкой. Да, и в качестве гарнира луковые кольца.

У меня челюсть отвисает едва ли не до пола.

— И ты действительно собираешься все это съесть?

Он усмехается.

— Естественно. У меня растущий организм.

Растущий? Не-а. Я заметила только сейчас — наверное, потому, что раньше меня отвлекала его несносность, — что Гаррет Грэхем уже сформировался как мужчина. Никакой он не растущий организм. В нем нет ничего детского: ни в точеных чертах лица, ни в высокой, рельефной фигуре. И даже в обнаженной груди, вдруг осознаю я, вспоминая то фото, что он мне отправил.

— А еще я съем кусочек того самого пирога и выпью «Доктора Пеппера». Да, и еще порцию частных уроков.

— Их в меню нет, — бодро объявляю я. — А остальное сейчас подам.

Я не даю ему времени возразить и ухожу за стойку, чтобы передать заказ Джулио, нашему повару. Спустя секунду ко мне подлетает Лиза и принимается возбужденно шептать:

— О боже! Ты знаешь, кто это, да?

— Ага.

— Это же Гаррет Грэхем.

— Знаю, — сухо говорю я. — Я же сказала «ага».

Лиза оскорблена в своих лучших чувствах.

— Да что с тобой такое? Ты так странно себя ведешь, даже не радуешься. Ведь это сам Гаррет Грэхем сидит за твоим столиком! Он разговаривал с тобой.

— Разве, черт побери? Да, его губы шевелились, но я не поняла, что он разговаривает.

Я закатываю глаза и подхожу к бару, за напитком для Гарета. Я не смотрю в его сторону, но чувствую, что взгляд его дымчато-серых глаз следит за каждым моим движением. Наверное, он телепатически отдает мне приказ, чтобы я позанималась с ним. Что ж, ему не повезло. Я ни под каким видом не буду тратить свое свободное время, которого у меня и так мало, на университетского хоккеиста, считающего себя рок-звездой.

Лиза не отстает от меня, продолжая петь дифирамбы Грэхему. Очевидно, она не поняла мой сарказм.

— Он такой замечательный. Просто до невероятности замечательный. — Она с трудом понижает голос до шепота. — Я слышала, что в постели он великолепен.

Я хмыкаю.

— Думаю, он сам распустил о себе этот слух.

— Нет, мне рассказала Саманта Ричардсон. Она в прошлом году подцепила его на вечеринке в «братстве» Тета^[12]. Говорит, лучшего секса у нее в жизни не было.

Мне нечего ответить, потому что мне абсолютно плевать на половую жизнь какой-то девицы, которую я в глаза не видела. Поэтому я пожимаю плечами и протягиваю Лизе стакан с «Доктором Пеппером».

— Слушай, а почему бы тебе не обслужить его столик?

По тому, как Лиза захлебывается восторгом, можно подумать, будто я вручила ей чек на пять миллионов.

— Точно?

— Угу. Забирай.

— О господи. — Она делает шаг ко мне, как будто собирается броситься на шею. Но тут ее взгляд устремляется к Гаррету, и она решает, что стоит направить свою нечаянную радость совсем в другое место. — Я тебе должна, Хан.

Я хочу сказать ей, что как раз я у нее в долгу, но она уже спешит к кабинке, чтобы обслужить своего ненаглядного принца. Я весело наблюдаю за тем, как постепенно омрачается лицо Гаррета по мере приближения Лизы. Она ставит перед ним стакан, он берет его, ловит мой взгляд и слегка наклоняет голову.

Как бы говоря: тебе так просто от меня не отделаться.

* * *

Гаррет

Ей так просто от меня не отделаться.

Ясно как божий день, Ханна Уэллс редко общалась со спортсменами. Мы упрямые. И

нас всех объединяет одна особенность: мы никогда не сдаемся.

Чтоб мне провалиться — я уговорю эту девчонку позаниматься со мной.

Из-за того, что Ханна передала меня другой официантке, мне приходится ждать другой возможности донести до нее всю важность моей просьбы. Следующие двадцать минут я вынужден терпеть откровенные заигрывания и неприкрытый интерес кудрявой брюнетки, которая обслуживает меня. Я с ней вежлив, но на заигрывания не отвечаю.

Сегодня меня интересует только Ханна, и мой взгляд следует за ней, будто приклеенный. Как бы она ни сбежала, увидев, что я отвлекся. С нее станется.

Если честно, выглядит она в своей униформе очень соблазнительно. Зеленовато-голубое платье с белым воротничком и большими пуговицами спереди, коротенький белый передничек. Прямо-таки наряд из «Бриолина»^[13], что, как мне кажется, вполне резонно, ведь кафе Деллы оформлено в стиле пятидесятых. Несложно представить Ханну в той эпохе. Она запросто вписалась бы в нее: темные, слегка волнистые волосы до плеч заколоты сбоку голубой заколкой, которая придает прическе несколько старомодный вид.

Наблюдая за ней, я задаюсь вопросом, как эта девчонка жила до нашего знакомства. На занятии исследовательской группы я поспрашивал о ней, но мало что узнал. Один парень вспомнил, что она из маленького городка на Среднем Западе. Еще кто-то сказал, что на втором курсе Ханна весь год встречалась с одним парнем из музыкальной группы. Во всем остальном она для меня полная тайна.

— Принести тебе еще чего-нибудь? — пылко спрашивает меня официантка.

Девушка смотрит на меня как на знаменитость, но я привык к такому вниманию. Факт: если ты капитан хоккейной команды, которая вошла в Первый дивизион и, следовательно, выиграла два национальных чемпионата, люди знают, кто ты такой. И женщины хотят с тобой переспать.

— Нет, спасибо. Счет, пожалуйста.

— О. — Ее разочарование очевидно. — Конечно. Сейчас принесу.

Прежде чем она уходит, я задаю прямой вопрос:

— Тебе известно, когда у Ханны заканчивается смена?

Разочарование на ее лице сменяется изумлением.

— А что?

— Она из моей группы. Хочу обсудить с ней одно задание.

Брюнетка успокаивается, однако смотрит немного подозрительно.

— Она уже закончила смену, но не может уйти, пока ее стол не убран.

Я перевожу взгляд на еще один занятый стол, — там сидит немолодая пара. Мужчина уже достал бумажник, а его жена, надев очки в роговой оправе, проверяет счет.

Я расплачиваюсь, прощаюсь и выхожу на улицу ждать Ханну. Пять минут спустя пожилая пара стремительно покидает кафе. Еще спустя минуту появляется Ханна. Если она и видит меня, то виду не подает. Она просто застегивает пальто и идет вдоль здания.

Я спешу за ней.

— Уэллси, подожди.

Она оглядывается и хмурится.

— Сколько можно говорить: я не буду заниматься с тобой.

— Будешь. — Я пожимаю плечами. — Мне просто нужно выяснить, что ты хочешь за это.

Ханна резко поворачивается — прямо-таки темноволосое торнадо.

— Я хочу, чтобы ты отстал. Я не буду заниматься с тобой.

— Ладно, я уже понял, что деньги тебя не интересуют. — Я веду себя так, будто она ничего не говорила. — Но что-то наверняка интересует. — Я на мгновение задумываюсь. — Выпивка? Травка?

— Нет и нет, исчезни.

Она идет дальше, и ее белые кроссовки четко выделяются на фоне темного тротуара. За углом, на засыпанной гравием площадке, она устремляется напрямиком к хэтчбеку «Тойота», припаркованному рядом с моим джипом.

— Ясно. Значит, такие вещи тебе не по душе.

Я вслед за ней иду к ее машине. Ханна делает вид, что меня нет, открывает дверцу и бросает свою сумку на пассажирское сиденье.

— Как насчет свидания? — предлагаю я.

Вот это привлекает ее внимание. Она выпрямляется так, будто проглотила металлический прут, резко поворачивается ко мне и смотрит на меня в полнейшем изумлении.

— Что?

— Ага, наконец-то ты обратила на меня внимание.

— Нет, просто ты вызываешь у меня отвращение. Ты действительно думаешь, что я хочу встречаться с тобой?

— Всем хочется.

Она взрывается от хохота.

Вероятно, такая реакция должна была бы обидеть меня, но мне нравится ее смех. Он очень музыкальный с приятной хрипотцой, которая ласкает мне слух.

— Хочу задать тебе один вопрос, так, из любопытства, — говорит Ханна. — По утрам, когда ты просыпаешься, ты любишься своим отражением в зеркале один час или два?

— Два, — весело отвечаю я.

— Ты в восторге от себя?

— Естественно, нет. — Я хмыкаю. — Я целую свои бицепсы, потом смотрю в потолок и благодарю большого босса наверху за то, что он сотворил такой совершенный образец.

Она фыркает.

— Гм. Извините, что приходится проткнуть мыльный пузырь вашего самомнения, мистер Совершенство, но меня не интересуют свидания с вами.

— Мне кажется, Уэллси, ты кое-что не понимаешь. Я не стремлюсь к любовным отношениям. Я знаю, что ты в меня не втюрилась. Если тебе от этого станет лучше, то и я в тебя не втюрился.

— Вот от этого мне точно лучше. А то я уже испугалась, что окажусь в твоём вкусе. Мне даже страшно думать о такой перспективе.

Когда она пытается нырнуть в машину, я придерживаю дверцу, не давая ее закрыть.

— Я говорю об имидже, — уточняю я.

— Об имидже? — эхом повторяет она.

— Ага. Ты что, не понимаешь, что многие девчонки встречаются со мной только ради того, чтобы поднять свой престиж? Такое происходит сплошь и рядом.

Ханна снова смеется.

— Я в полной мере довольна своим нынешним статусом, но все равно спасибо, что беспокоишься о моем престиже. Ты, Гаррет, самый настоящий принц. Честное слово.

У меня от отчаяния аж перехватывает горло.

— Как же мне заставить тебя передумать?

— Никак. Ты теряешь время. — Ханна качает головой, выглядит она такой же расстроенной, как и я. — Видишь ли, если бы те усилия, что тратишь на уговоры, ты направил бы на учебу, то получил бы на экзамене *A* с кучей плюсов.

Она отталкивает мою руку, садится в машину и захлопывает дверцу. В следующее мгновение двигатель автомобиля оживает. Я точно знаю: если бы я не успел вовремя отскочить, она бы проехала по моим ногам.

А может, в прошлой жизни Ханна Уэллс была спортсменкой? Уж больно упрямая.

Вздыхнув, я смотрю вслед удаляющимся красным огонькам и прикидываю, каков должен быть мой следующий шаг.

Но ничего удачного в голову не приходит.

Элли твердо придерживается данного слова. Прошло двадцать минут, как мы прибыли на тусовку, а она не отходит от меня, даже несмотря на мольбы ее парня потанцевать с ним.

Я чувствую себя полной идиоткой.

— Ладно, это уже глупо. Иди танцевать с Шоном. — Мне приходится перекрикивать грохочущую музыку, которая, как это ни удивительно, оказалась вполне пристойной. Я ожидала, что будет какой-нибудь танцевальный примитив или вульгарный хип-хоп, но того, кто заведует здесь музыкой, кажется, влечет к инди року и брит-панку.

— Нет, все нормально, — кричит в ответ Элли. — Я постою тут с тобой.

Еще бы, ведь подпирать стену и наблюдать, как я прикладываюсь к прихваченной из общаги бутылке «Эвиан», значительно интереснее, чем приятно проводить время со своим парнем.

Комната битком набита народом. Тут полно студентов из различных братств и сообществ, но сегодня контингент более разношерстный, чем на обычной «греческой» тусовке. Около бильярдного стола я вижу ребят с актерского. У камина болтают девчонки из нашей команды по хоккею на траве, у бара топчется группка парней, наверняка первокурсников. Для того чтобы освободить место для танцев, мебель сдвинули к обшитым деревянными панелями стенам. Все скачут, смеются и несут всякую чушь.

А бедняжка Элли приклеилась ко мне, как липучка, и не может получить удовольствие от тусовки, на которую хотелось пойти именно ей.

— Иди, — уговариваю я ее. — Ну, в самом деле. Ты же не виделась с Шоном с начала сессии. Так нельзя. Ты имеешь полное право провести время со своим любимым мужчиной. — Она колеблется. — Со мной все будет в порядке. Вон там Кети и Шоуна — я немножко поболтаю с ними.

— Точно?

— Сто процентов. Ты забыла, что я пришла сюда общаться? — Улыбнувшись, я слегка шлепаю ее ниже талии. — Катись отсюда, детка.

Она улыбается мне и начинает проталкиваться через толпу, потом достает свой айфон и машет им в воздухе.

— Если надо будет послать SOS, звони! — кричит она мне. — И не уходи, не предупредив меня!

Мой ответ тонет в грохоте музыки, но она видит мой кивок и спешит дальше. Вот она уже рядом с Шоном, и он, счастливый, тащит ее в круг танцующих.

Видите? Я тоже могу быть хорошей подружкой.

Единственное «но»: я осталась одна, и те две девчонки, к которым я планировала прибиться, болтают с двумя очень симпатичными парнями. Я не хочу мешать первому налаживанию отношений, поэтому оглядываю толпу в поисках знакомых — сейчас даже Кэсс был бы тем самым раком на безрыбье, — но никого не вижу. Подавив вздох, я забиваюсь в свой уголок и следующие несколько минут наблюдаю за людьми.

Заметив, что ребята стали с интересом поглядывать в мою сторону, я принимаюсь

костерить себя за то, что позволила Элли выбрать для меня наряд. Нет, мое платье вполне нормальное, до колен, со скромным вырезом. Но оно очень сильно обтягивает меня, а в черных туфлях на высоких каблуках мои ноги кажутся намного длиннее, чем на самом деле. Я не возражала, потому что хотела привлечь внимание Джастина. Я была увлечена идеей попасть в поле его зрения и совсем забыла, что могу попасть и в другие поля. Избыток внимания начинает действовать мне на нервы.

— Привет.

Я поворачиваюсь и вижу привлекательного парня с каштановыми волосами и бледно-голубыми глазами. На нем рубашка поло, он держит в руке красную пластмассовую чашку и улыбается мне с таким видом, будто мы давно знакомы.

— Э-э... привет, — отвечаю я.

Он замечает озадаченное выражение на моем лице, и его улыбка становится еще шире.

— Я Джимми. Мы с тобой вместе ходим на литературу.

— А, понятно. — Честное слово, я не помню, чтобы мы с ним виделись, но этот курс посещает более двухсот студентов, поэтому неудивительно, что я не разглядела его в этом море лиц.

— Ведь тебя зовут Ханна, да?

Я киваю и ежусь под его взглядом, который за пять секунд успел раз десять скользнуть по моей груди.

Джимми молчит, как будто размышляет над тем, о чем говорить дальше. Я тоже не могу ничего придумать — я вообще не умею вести светские беседы. Если бы парень был мне интересен, я бы спросила его, какие предметы он изучает, работает ли он, какую музыку любит, но в настоящий момент мне интересен только один человек, Джастин, а он так и не объявился.

Я то и дело ищу его в толпе и от этого чувствую себя полной неудачницей. Элли не единственная, кто спрашивает, что я в нем нашла. Мне это тоже интересно. Я все время задаюсь вопросом, почему я так одержима этим парнем? Он даже не знает о моем существовании. Вдобавок он действительно качок. Уж лучше бы я положила глаз на Гаррета Грэхема, чтоб ему. Он хотя бы пригласил меня на свидание.

Нет, только представьте, легок на помине! Стоит помянуть черта, и он тут как тут.

Я не ожидала увидеть его на этой вечеринке, поэтому наклоняю голову, чтобы он меня не заметил. Может быть, если я сконцентрируюсь, то, как хамелеон, сольюсь со стеной, и он даже не узнает, что я здесь.

К счастью, Гаррет не подозревает о моем присутствии. Он останавливается, чтобы поговорить с ребятами, потом медленно идет к бару на другом конце комнаты, и там его тут же окружает стайка девчонок с накладными ресницами и вываливающимися из декольте сиськами.

Стоящий рядом со мной Джимми закатывает глаза.

— Мать честная. А вот и наша звезда кампуса. Явился не запыхавшись.

Я соображаю, что он тоже смотрит на Гаррета, и вижу на его лице явное отвращение.

— Ты не большой поклонник Грэхема? — спрашиваю я.

— Ты хочешь правду или семейную версию?

— Семейную?

— Он же член нашего братства, — поясняет Джимми. — Так что в техническом плане он наш брат. — Он жестом показывает кавычки. — А Сигма любит всех своих братьев.

Я непроизвольно улыбаюсь.

— Значит, это семейная версия. А какова правда?

Музыка грохочет, поэтому он вынужден наклониться ко мне. Его губы всего в сантиметре от моего уха.

— Я его не выношу, — признается он. — Его это больше, чем этот дом.

Надо же, я встретила родственную душу. Вот еще один человек, который не входит в команду Гаррета.

Только вот моя заговорщическая улыбка воспринимается неправильно. Джимми прикрывает глаза и, растягивая слова, спрашивает:

— Что... хочешь потанцевать?

Я не хочу. Категорически. Я уже открываю рот, чтобы ответить «нет», и краем глаза замечаю что-то черное. Это черная футболка Гаррета. Он заметил меня и теперь пробивается ко мне. Судя по его целеустремленному виду, он полон решимости снова сражаться со мной.

— Конечно, — выпаливаю я и хватаю Джимми за руку. — Пошли танцевать.

Его физиономия расплывается в улыбке.

Э-эх. Кажется, я проявила излишнее рвение.

Но уже поздно что-то менять, потому что Джимми ведет меня на танцпол. Мне везет: ставят другую музыку. «Рамонз» уступают место Леди Гаге. Мелодия небыстрая, это замедленная версия «Бесстрастного лица». Здорово.

Джимми кладет руки мне на бедра.

После секундного колебания я нехотя кладу руки ему на плечи, и мы танцуем. Я чувствую себя до жути неловко, но зато мне удалось сбежать от Гаррета, который сейчас хмуро наблюдает за нами, зацепившись пальцами за ременные петли своих модно потертых голубых джинсов.

Когда наши взгляды встречаются, я посылаю ему полуулыбку всем своим видом демонстрируя «ты ничего не можешь сделать». Он прищуривается, как будто знает, что я танцую с Джимми, только чтобы не общаться с ним. Затем симпатичная блондинка трогает его за руку, и он прерывает наш зрительный контакт.

Джимми поворачивает голову, чтобы понять, на кого я смотрю.

— Ты знаешь Гаррета? — Его голос звучит настороженно.

Я пожимаю плечами.

— Мы с ним изучаем один курс.

— Вы друзья?

— Нет.

— Рад слышать.

Гаррет и блондинка неторопливо выходят из комнаты, и я мысленно похлопываю себя по плечу, радуясь успеху выбранной мной тактики.

— Он живет здесь с вами? — Господи, эта песня никогда не кончится! Я пытаюсь завязать разговор, потому что чувствую, что нужно как-то заканчивать танец после проявленного мной «энтузиазма».

— Нет, слава яйцам, — отвечает Джимми. — Он снимает дом за пределами кампуса. Он все время хвастается этим, но уверен, что платит-то за него папаша.

Я в задумчивости морщу лоб.

— Почему ты так говоришь? У него что, богатая семья?

Джимми искренне удивлен.

— Ты не знаешь, кто его отец?

— Нет. А должна?

— Это же Фил Грэхем! — Не видя с моей стороны никакой реакции, Джимми уточняет:

— Нападающий нью-йоркских «Рейнджеров»! Дважды получал Кубок Стэнли! Легенда хоккея!

Единственная хоккейная команда, о которой я хоть что-то знаю, это чикагские «Блэкхокс», и только потому, что мой отец их ярый фанат и требует, чтобы я смотрела матчи вместе с ним. Так что мне ничего не известно о человеке, который играл за «Рейнджеров» — когда? двадцать лет назад? Однако меня не удивляет, что Гаррет из хоккейной элиты. Он и ведет себя так, будто у него есть право на высокомерие, на этакую надменную снисходительность.

— Тогда не понимаю, почему Гаррет не поступил в колледж в Нью-Йорке, — продолжаю я.

— Грэхем-старший закончил свою карьеру в Бостоне, — разъясняет Джимми. — Наверное, после того как он перестал играть, семейство решило остаться в Массачусетсе.

Слава богу, песня заканчивается, я поспешно извиняюсь и делаю вид, будто мне надо в туалет. Джимми берет с меня слово, что я еще раз с ним потанцую, подмигивает мне и идет к столу с пиво-понгом.

Я не хочу, чтобы парень узнал, что я соврала, спешу прочь из комнаты, заглядываю в туалет возле главного входа, возвращаюсь в коридор, и именно там и находит меня Элли несколько минут спустя.

— Эй! Ну как, веселишься? — Ее глаза горят, на щеках играет румянец, хотя я точно знаю, что она не пила. Элли обещала оставаться трезвой, а она никогда не нарушает своих обещаний.

— Ага. Я, наверное, скоро пойду.

— Ой, не уходи! Я видела, как ты танцевала с Джимом Полсоном — тебе, судя по виду, очень нравилось.

Вот как? Вероятно, актриса из меня гораздо лучше, чем я думала.

— Он симпатичный, — добавляет Элли, многозначительно глядя на меня.

— Нет, он не в моем вкусе. Слишком прилизанный.

— Ну, я знаю одного, кто в твоём вкусе. — Затем она озорным шепотом добавляет: — Только не оборачивайся, он только что вошел в дверь.

Мое сердце трепещет, как воздушный змей на ураганном ветру. Не оборачиваться? Неужели люди не понимают, что такая просьба заставляет человека поступать наоборот?

Я резко поворачиваю голову к входной двери, потом так же резко отворачиваюсь. О боже. Она права. Джастин наконец-то пришел.

Так как я видела его мельком, то рассчитываю получить недостающую информацию от Элли.

— Он один? — бормочу я.

— Он с ребятами из команды, — тихо отвечает она. — И все без девчонок.

Я делаю вид, будто просто болтаю с подругой и даже не замечаю парня, стоящего в паре метров от нас. И ведь срабатывает: Джастин с приятелями проходит мимо, и их громкий хохот тонет в оглушительной музыке.

— Ты покраснела, — поддразнивает меня Элли.

— Знаю, — с тихим стоном говорю я. — Черт. Моя одержимость — это такая глупость.

Ну, почему ты позволяешь мне ставить себя в такое дурацкое положение?

— Потому что не считаю это глупостью. И не вижу ничего дурацкого — все это нормально. — Подруга берет меня за руку и тащит назад в комнату. Сейчас громкость музыки убавили, и ее заглушает гул голосов.

— Честное слово, Хан, ты молода и красива, и я хочу, чтобы ты влюбилась. Мне плевать в кого, только бы... кстати, а почему Гаррет Грэхем так пялится на тебя?

Я смотрю в ту сторону и издаю еще один приглушенный стон, когда наталкиваюсь на взгляд серых глаз Гаррета.

— Потому что он преследует меня, — бурчу я.

У Элли от изумления глаза чуть не лезут на лоб.

— Правда что ли?

— Абсолютно. Он завалил этику и знает, что я сдала на «отлично», и теперь требует, чтобы я подтянула его. А ответ «нет» этот тип не принимает.

Элли хмыкает.

— Думаю, ты единственная, кто отшил его.

— Жаль, что женская часть нашего народонаселения не так умна, как я.

Я смотрю мимо Элли и оглядываю зал в поисках Джастина. Мой пульс учащается, когда я вижу парня у бильярдного стола. На нем черные брюки и серый свитер ручной вязки, его спутанные волосы падают на высокий лоб. Господи, как же мне нравится этот стиль, как будто только что встал с кровати. Джастин не пользуется гелем в таком чрезмерном количестве, как его приятели и, в отличие от них, одет он не в футбольную куртку.

— Элли, тащи сюда свою аппетитную попку! — кричит Шон от стола для пинг-понга. — Мне срочно нужен партнер!

На щеках Элли появляется очаровательный румянец.

— Хочешь посмотреть, как мы надерем задницы в пиво-понг? Только пиво пить не будем, — поспешно добавляет она. — Шон знает, что сегодня я не пью.

Меня снова охватывают угрызения совести.

— Так неинтересно, — весело говорю я. — Ты должна будешь выпить пиво — ведь это же твой выигрыш.

Элли качает головой.

— Я обещала тебе не пить.

— А я не собираюсь здесь надолго задерживаться, — заявляю я. — Так что у тебя нет повода отказываться от выпивки.

— Но я хочу, чтобы ты осталась, — возражает Элли.

— А давай вот так: я остаюсь еще на полчаса, но при условии, что ты позволишь себе расслабиться. Я помню о той сделке, что мы заключили на первом курсе, но я не требую, чтобы ты, Эл, придерживалась ее.

Я говорю абсолютно искренне. Мне ужасно неловко, что ей приходится нянчиться со мной каждый раз, когда мы куда-нибудь отправляемся. Я отучилась в Брайаре два полных года и понимаю, что пора бы мне ослабить бдительность, хотя бы чуть-чуть.

— Пошли, я хочу посмотреть, как ты будешь блистать мастерством. — Я беру ее под руку, она смеется и идет за мной к Шону и его друзьям.

— Ханна! — радостно приветствует меня Шон. — Ты тоже играешь?

— Нет, — отвечаю я. — Пришла поболеть за лучшую подругу.

Элли присоединяется к Шону на одном конце стола, и следующие десять минут я

наблюдаю за азартнейшим на свете сражением по пиво-понгу. И все это время я кожей ощущаю присутствие Джастина, который болтает с приятелями на другом конце комнаты.

Тут выясняется, что мне действительно надо в туалет. Около кухни никого нет, а вот к заветной двери стоит длинная очередь. Но когда я выхожу из туалета, буквально впечатываюсь в мужскую грудь.

— Смотри, куда идешь, — слышу я хриплый голос.

И мое сердце замирает.

Джастин придерживает меня, чтобы я не упала. Его глаза искрятся весельем. В тот момент, когда он прикасается ко мне, моя кожа покрывается мурашками.

— Извини, — запинаясь, бормочу я.

— Все нормально. — Улыбаясь, он хлопает себя по груди. — Я цел и невредим.

Неожиданно я замечаю, что очереди в туалет уже нет. Что во всем коридоре только мы с Джестином. При ближайшем рассмотрении он, о боже, оказывается еще красивее. И я только сейчас понимаю, как он высок: мне нужно закидывать голову, чтобы видеть его лицо.

— Ты же вместе со мной ходишь на этику, да? — спрашивает он глубоким, очень эротичным голосом.

Я киваю.

— Меня зовут Джастин.

Он представляется, как будто в Брайаре и в самом деле есть те, кто не знает его имени. Но мне его скромность кажется восхитительной.

— А меня Ханна.

— Как ты сдала экзамен?

— На *A*, — отвечаю я. — А ты?

— *B*-минус.

Я не могу скрыть своего удивления.

— Серьезно? Думаю, нам повезло. Остальные завалили.

— Полагаю, это говорит о том, что мы умные, а не везучие.

От его улыбки я начинаю таять. Честное слово. Я растекаюсь вязкой лужей по полу и не могу отвести взгляд от его темных глаз. Они притягивают меня, как магнит. Пахнет он него просто божественно, мылом и лимонным лосьоном после бритья. А что, если я уткнусь ему в шею и буду вдыхать и выдыхать его аромат? Будет ли это уместно?

Гм... едва ли. Не будет.

— Значит... — Я лихорадочно придумываю что-нибудь умное или интересное, но я так нервничаю, что у меня отключаются мозги. — Ты играешь в футбол, да?

Он кивает.

— Я принимающий. А ты фанат? — На его подбородке появилась ямочка. — Игры, я имею в виду.

Я не люблю этот вид спорта, но могла бы соврать и сказать, что люблю. Однако это рискованно, потому что он может заговорить со мной о футболе, а я слишком мало о нем знаю, чтобы иметь возможность поддержать беседу.

— Не очень, — со вздохом признаюсь я. — Я видела один или два матча, но, если честно, на мой вкус, в этом спорте мало динамики. Такое впечатление, что вы играете пять секунд, потом кто-то свистит в свисток, и вы часами бродите по полю, прежде чем сыграть следующие пять секунд.

Джастин хохочет. У него потрясающий смех, низкий и хриловатый, и я чувствую его

всем телом, аж кончиками пальцев.

— Да, я уже слышал такое. Но футбол совсем другой, когда играешь сам. Более интенсивный, чем кажется. И если ты болеешь за какую-то команду или за конкретного игрока, то начинаешь разбираться в правилах гораздо быстрее. — Он наклоняет голову набок. — Тебе нужно прийти на одну из наших игр. Готов поспорить, что тебе понравится.

Великий боже. Он приглашает меня на свою игру!

— Э, да, может, я...

— Кол! — перебивает меня громкий возглас. — Мы ждем!

Мы оба поворачиваемся на голос. Из двери в гостиную выглядывает светловолосый здоровяк. Этот парень из команды Джастина, и на его лице отражается крайнее нетерпение.

— Иду, — отвечает ему Джастин, печально улыбается мне и делает шаг к туалету. — Мы с Большим Джо собираемся показать класс на бильярде, но мне сначала надо отлить. Договорим потом, ладно?

— Конечно, — отвечаю я так, будто в этом нет ничего особенного, но особенного тут сверх меры, потому что мое сердце бьется как сумасшедшее.

Когда за Джестином закрывается дверь, я на подгибающихся ногах иду в комнату. Мне не терпится рассказать Элли о случившемся, но у меня нет никаких шансов. Едва я переступаю порог, путь мне преграждают сто восемьдесят семь сантиметров роста и девяносто килограммов живого веса Гаррета Грэхема.

— Уэллси, — бодро заявляет он, — ты последняя, кого я ожидал увидеть здесь сегодня вечером.

Как обычно, в его присутствии моя бдительность снова встает в строй.

— Да? И почему же?

Он пожимает плечами.

— Я не думал, что тебе по вкусу студенческие попойки.

— Но ты же не знаешь меня, правда? Может, я каждый вечер только и делаю, что тусуюсь в «Греческом» ряду^[14].

— Врешь. Я бы тебя там увидел.

Он складывает руки на груди, и от этого его бицепсы становятся выпуклыми. Я кощусь на татуировку, показавшуюся из-под рукава, но не могу понять, что это такое, вижу, что она черная и сложная. Может, языки пламени?

— Итак, насчет занятий... Думаю, нам надо обговорить расписание.

Меня захлестывает гнев.

— Ты ведь никогда не сдаешься, да?

— Никогда.

— Тогда придется научиться, потому что я не буду с тобой заниматься.

Мое внимание переключается на Джастина, который входит в комнату, я наблюдаю за движениями его гибкого тела, пока он пробирается через толпу к бильярдному столу. На полпути его перехватывает какая-то брюнетка. К моему смятению, он останавливается и заговаривает с ней.

— Давай, Уэллси, выручи человека, — упрашивает меня Гаррет.

Джастин над чем-то смеется. Он минуту назад точно также смеялся вместе со мной. Брюнетка кладет руку на его предплечье и придвигается к нему почти вплотную, однако он не шарахается.

— Послушай, если ты не хочешь заниматься со мной весь семестр, помоги хотя бы с

пересдачей. Я буду у тебя в неоплатном долгу.

Я уже не обращаю внимания на Гаррета. Джастин наклоняется к брюнетке и что-то шепчет ей на ухо. Она хихикает, на ее щеках появляется очаровательный румянец, и мое сердце падает куда-то в желудок.

Я уже решила, что между нами, ну, не знаю, установилась какая-то связь, что ли, а тут он флиртует с другой!

— Ты даже не слушаешь меня, — с осуждением говорит Гаррет. — А на кого ты смотришь?

Я поспешно отвожу взгляд от Джастина и брюнетки, но уже поздно.

Гаррет успевает проследить за моим взглядом и усмехается.

— Кого из них? — спрашивает он.

— В каком смысле?

Он сначала кивает на Джастина, потом, чуть правее, на Джимми, который разговаривает с кем-то из своего братства.

— Полсона или Кола — кого из них ты хотела бы подцепить?

— Подцепить? — Гаррету удается снова завладеть моим вниманием. — Бр-р, что за выражение.

— Ладно, я скажу по-другому. С кем из них ты хотела бы потрахаться или перепихнуться, или заняться любовью, если тебе так нравится.

Я стискиваю зубы. Ну и козел.

Я молчу, поэтому Гаррет отвечает за меня.

— С Колом, — решает он. — Я видел, как ты танцевала с Полсоном: глазки ты ему не строила.

Я не подтверждаю, не опровергаю его догадку. Вместо этого я просто пячусь прочь от него.

— Хорошего вечера, Гаррет.

— Мне не хочется расстраивать тебя, Уэллси, но ничего не получится. Ты не в его вкусе.

Меня охватывает злость. Ну и дела! Кто дал ему право говорить такое?

— Спасибо за подсказку, — холодно цежу я. — А теперь прошу меня извинить...

Он пытается схватить меня за руку, но я уворачиваюсь и прохожу мимо него, как мимо той самой придорожной пыли из поговорки. Я быстро оглядываю комнату и замечаю Элли и Шона, обнимающихся на диване. Не желая им мешать, я разворачиваюсь и иду к выходу.

Трясущимися пальцами я набираю сообщение для Элли, в котором предупреждаю ее о том, что ухожу. В моих ушах, как гнетущая мантра, все еще звучат слова Гаррета: «Ты не в его вкусе».

Если честно, это именно то, что мне и надо было услышать. Что из того, что Джастин заговорил со мной в коридоре? Очевидно, ничего, потому что в следующее мгновение он уже забыл обо мне и принялся флиртовать с другой. Пора смело посмотреть в глаза реальности. У нас с Джастином ничего не получится, как бы мне ни хотелось обратного.

Зря я пришла сюда. Это была глупость.

На меня волнами накатывает смятение, когда я выхожу из Сигма-Хауса на ночной холод. Я сожалею о том, что не взяла с собой куртку, но мне не хотелось таскать ее с собой весь вечер, поэтому я решила, что октябрьская погода ничего со мной не сделает за те пять секунд, что придется бежать от такси к зданию.

Я стою на крыльце, когда приходит ответное сообщение от Элли. Она предлагает вместе

со мной дожидаться такси, но я приказываю ей оставаться на месте. Затем я нахожу в своем телефоне номер службы такси при кампусе и уже собираюсь звонить, когда слышу, как меня зовут. Голос все тот же, меня от него уже просто трясет.

— Уэллси, подожди.

Я быстро спускаюсь с крыльца, перескакивая через ступеньку, но Гаррет выше меня, а значит, шаг у него длиннее, так что он догоняет меня.

— Да подожди же ты. — Его рука опускается на мое плечо.

Я сбрасываю ее и поворачиваюсь лицом к нему.

— Что? Ты хочешь и дальше оскорблять меня?

— Ничего я тебя не оскорблял, — возражает он. — Я просто констатировал факт.

От этого еще больнее.

— Благодарю.

— Черт. — У него расстроенный вид. — Я опять обидел тебя. Я не хотел. Ты не думай, я не пытаюсь строить из себя дебила.

— А тебе и не надо строить. Ты и так дебил.

Ему хватает выдержки усмехнуться, однако его веселость быстро пропадает.

— Послушай, я знаю этого парня, понимаешь? Кол дружит с одним из ребят, с которыми мы снимаем дом, он часто к нам заходит.

— Вот и славно. Можешь пригласить его на свидание. А мне это не интересно.

— Очень даже интересно. — В его голосе звучит такая уверенность, что мне хочется стукнуть его. — Я ничего такого не говорю, только то, что у Кола есть предпочтения.

— Ладно, повеселю тебя еще немного. Какие у него предпочтения? Я спрашиваю не потому, что мне интересно, — поспешно добавляю я.

Он понимающе улыбается.

— Угу. Конечно, не интересно. — Гаррет пожимает плечами. — Кол учится у нас уже два месяца, кажется. Я видел, как он трепался с одной девчонкой из группы поддержки и еще с двумя девицами из Каппа Беты. Понимаешь, о чем это говорит?

— Что это говорит тебе, я не понимаю, а вот мне — что ты слишком много времени тратишь на то, чтобы следить, кто с кем встречается.

Он игнорирует мой укол.

— Мне это говорит о том, что Кола интересуют телки с определенным социальным статусом.

Я закатываю глаза.

— Если это еще одно предложение поднять мой социальный статус, то тебя ждет облом.

— Послушай, чтобы обратить на себя внимание Кола, тебе нужно предпринять нечто радикальное. — Парень делает паузу. — Так что снова предлагаю тебе встречаться со мной.

— А я снова отказываюсь. Извини меня, мне нужно вызвать такси.

— Нет, не нужно.

Экран моего телефона гаснет, и я поспешно набираю пароль, чтобы разблокировать его.

— Серьезно, не заморачивайся, — говорит Гаррет. — Я довезу тебя до дома.

— Не надо меня подвозить.

— Так такси этим и занимаются. Они подвозят людей.

— Мне не надо, чтобы меня подвозил ты, — уточняю я.

— Ты готова заплатить десять баксов, лишь бы не ехать со мной? Причем бесплатно?

Его ехидное замечание попало в точку. Потому что да, я предпочту, чтобы до дома меня

доставил приписанный к кампусу таксист, а не Гаррет Грэхем. Я не сажусь в машину к незнакомцам. Все.

Гаррет прищуривается, как будто ему удалось прочитать мои мысли.

— Тебе нечего бояться, Уэллси. Я просто подвезу тебя.

— Гаррет, возвращайся на тусовку. Твои братья, наверное, уже ищут тебя.

— Поверь мне, им пофиг, где я. Для них главное — найти дырку, чтобы было куда сунуть свой член.

Меня передергивает.

— Ты хоть понимаешь, до чего ты мерзок?

— Я не мерзок, а просто честен. Кроме того, я не говорил, что это я ищу. Мне не надо спаивать женщин, чтобы они переспали со мной. Они приходят ко мне трезвые и полные желания.

— Мои поздравления. — Я вскрикиваю, когда он выхватывает у меня телефон. — Эй!

К моему изумлению, он направляет на себя камеру и делает снимок.

— Что ты задумал?

— Вот, — говорит он, протягивая мне телефон. — Разошли эту сексапильную физиономию всему списку контактов и сообщи, что я везу тебя домой. Завтра, если тебя найдут мертвой, все будут знать, чьих рук это дело. Если хочешь, можешь всю дорогу держать палец на кнопке «Спасение». — Он раздраженно вздыхает. — А теперь я могу отвезти тебя домой?

Хотя мне совсем не улыбается стоять на крыльце в одиночестве и без верхней одежды и ждать такси, я все равно пытаюсь возражать и выдвигаю свой последний аргумент.

— Сколько ты выпил?

— Полбанки пива. — Я удивленно вскидываю брови. — Мой предел одна банка. Завтра у меня тренировка.

В нем столько искренности, что мое сопротивление слабеет. До меня доходили всякие слухи о Гаррете, но ни в одном не упоминались алкоголь и наркотики, а студенческая служба такси славится тем, что не спешит отрывать задницу, так что меня не убудет, если я пять минут проведу в машине с парнем. Я могу просто бойкотировать его, если он начнет доставать меня.

Вернее, когда начнет доставать меня.

— Ладно, — соглашаюсь я. — Можешь отвезти меня домой. Но это не значит, что я буду заниматься с тобой.

Его улыбка — это воплощение самодовольства.

— Обсудим это в машине.

Ханна Уэллс втюрилась в футболиста. У меня это в голове не укладывается, но сегодня один раз я ее уже обидел, так что мне придется соблюдать осторожность, чтобы расположить ее к себе.

Я жду, когда она сядет в мой джип и пристегнется, и только после этого задаю вопрос:

— И давно ты влю... заинтересовалась Колом?

Она не отвечает, но я щекой чувствую ее убийственный взгляд.

— Наверняка недавно, ведь он перевелся всего два месяца назад. — Я поджимаю губы. — Ладно, будем считать, что месяц.

Никакого ответа.

Я кошусь на нее и вижу, что ее взгляд стал еще жестче, но даже с таким выражением на лице она все равно выглядит соблазнительно. Я в жизни не видел такого интересного личика: щеки у нее слишком круглые, рот слишком пухлый, но на фоне оливковой кожи, живых зеленых глаз и очаровательной родинки над верхней губой все это выглядит довольно экзотично. Что же до тела... теперь, когда я рассмотрел ее фигуру, я не могу перестать ее замечать.

Но я напоминаю себе, что везу ее домой не в надежде на очередную победу. Я слишком сильно нуждаюсь в Ханне, чтобы каким-то перепихом испортить все дело.

После сегодняшней тренировки тренер отвел меня в сторону и прочитал десятиминутную лекцию о важности среднего балла. Хотя «лекция» — это мягко сказано. На самом деле он выдал следующее: «Получи нормальный средний балл, или я засуну тебе ногу в задницу по самые гланды, и ты еще долго будешь чувствовать вкус ваксы».

Я, умник такой, спросил, неужели кто-то еще пользуется ваксой для обуви, и он ответил заковырыстым и витиеватым ругательством и вихрем умчался прочь.

Я не преувеличиваю, говоря, что хоккеей — это моя жизнь, но такое неизбежно, если твой отец — суперзвезда. Старик распланировал мое будущее, когда я еще был в утробе: научиться кататься на коньках, научиться делать броски, стать профессионалом, точка. Как-никак, у Фила Грэхема есть репутация, которую нужно поддерживать. В том смысле, что представьте, как бы плохо это отразилось на нем, если бы его сын не стал профессиональным хоккеистом.

Да, это я пытаюсь иронизировать. Признаюсь: я ненавижу своего отца. Нет, я его презираю. Однако этот ублюдок считает, будто я все делаю ради него. Двадцать часов в неделю убиваю себя изматывающими тренировками, получаю синяки. Он самонадеян настолько, что верит: я стараюсь только ради него.

Однако он ошибается. Я стараюсь только ради себя. И в меньшей степени — чтобы превзойти его. Стать лучше, чем он.

Не поймите меня превратно — я люблю хоккей. Я живу ради рева толпы, ради морозного воздуха, обжигающего мое лицо, когда я мчусь по льду, ради свиста пущенной щелчком шайбы, которая зажигает свет за воротами. Хоккей — это адреналин. Он возбуждает. Он... даже умиротворяет.

Я снова смотрю на Ханну и прикидываю, как бы мне уговорить ее. И неожиданно понимаю, что подошел к ситуации с Колом с неправильной стороны. Да, я считаю, что она не в его вкусе, но вот как получилось, что *он* оказался в ее?

Кол изображает из себя этакого брутального молчуна, но я достаточно общался с ним, чтобы разглядеть суть. Он использует маску загадочности, чтобы привлекать девчонок, и, когда они попадают на крючок, он включает обаяние и заманивает их прямо к себе в штаны.

И как же все-таки случилось, что такая рассудительная девушка, как Ханна Уэллс, вдруг запала на такого козла?

— Это просто физическое влечение, или тебе действительно хочется встречаться с ним?

Она громко и сердито вздыхает.

— Пожалуйста, давай не будем говорить об этом.

Я включаю правую мигалку, отъезжаю от «Греческого» ряда и выезжаю на улицу, которая ведет к кампусу.

— Я ошибался насчет тебя, — как можно искреннее говорю я.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Я думал, что ты честная. Напористая. Что ты не из тех вертихвосток, что боятся признаться в своей любви к какому-нибудь парню.

Я сдерживаю усмешку, когда у нее отваливается челюсть. Меня не удивляет, что я задел ее за живое. Я неплохо разбираюсь в людях и без малейшего сомнения могу утверждать, что Ханна Уэллс из тех, кто не пасует перед вызовом.

— Замечательно. Ты выиграл. — Ее голос звучит так, будто она цедит сквозь стиснутые зубы. — Может, я и втюрилась в него. Чуть-чуть, самую капельку.

Мои губы растягиваются в улыбке.

— Ведь это совсем не страшно, правда? — Я убираю ногу с педали газа, и мы останавливаемся перед знаком «Стоп». — Тогда почему ты сама его не пригласила?

А вот теперь я слышу в ее голосе тревогу.

— С какой стати?

— Ну, ты же сказала, что втюрилась в него?

— Да я же его совсем не знаю.

— А как ты можешь его узнать, если не хочешь приглашать на свидание?

Девчонка ерзает. Я понимаю, что ей очень неуютно, и смеюсь.

— Ага, боишься! — весело поддразниваю я ее.

— Ничего я не боюсь! — тут же выпаливает она. И замолкает. — Ну, может, немножко. Когда я вижу его, я... нервничаю, понимаешь?

Мне требуется некоторое усилие, чтобы скрыть свое удивление. Я не ожидал такой... откровенности. А еще я понимаю, насколько она ранима, и это огорчает меня. Я знаком с ней всего ничего, но уже успел привыкнуть к ее сарказму и самоуверенности. Поэтому нерешительное выражение на лице девушки кажется мне абсолютно ей не свойственным.

— Так ты собираешься ждать, когда он сам пригласит тебя?

Ханна хмурится.

— Дай-ка отгадаю — ты считаешь, что он не пригласит?

— Я знаю, что не пригласит. — Я пожимаю плечами. — Мужчинам нравится погоня, Уэллси. А ты для него слишком легкая добыча.

— Едва ли, — сухо говорит она. — Если учесть, что я не рассказывала ему о своем

интересе.

— О, он и так знает.

Мои слова вызывают у нее крайнее удивление.

— Нет, не знает.

— Мужчина всегда знает, когда женщина его хочет. Поверь мне, тебе не надо говорить ему об этом вслух, он чувствует исходящие от тебя флюиды. — Я усмехаюсь. — Черт, мне достаточно пяти секунд, чтобы понять такое.

— Ты думаешь, если я стану встречаться с тобой, он, словно по мановению волшебной палочки, заинтересуется мною? — В голосе Ханны слышится скепсис, но бывшая враждебность исчезла, и это добрый знак.

— Это точно пойдет тебе на пользу. А знаешь, что сильнее всего интригует ребят, даже больше, чем погоня?

— Очень хочу услышать.

— Женщина, которая оказалась вне их досягаемости. Люди всегда желают именно то, чего не могут заполучить. — Я непроизвольно хмыкаю. — Вот тебе пример: ты и Кол.

— Гм, ну, если я не могу заполучить его, зачем тогда делать какие-то телодвижения и встречаться с тобой?

— Ты не можешь заполучить его в данный момент. Но это не значит, что Джастин всегда будет для тебя недостижим.

Мы останавливаемся на следующем перекрестке у знака «Стоп», и я вижу, что мы почти добрались до кампуса. Черт. Мне нужно еще время, чтобы убедить ее, поэтому я еду как можно медленнее и надеюсь, что она этого не заметит. Моя скорость на десять миль меньше разрешенной.

— Поверь мне, Уэллси, если ты где-то появишься со мной, он это обязательно заметит. — Я замолкаю, делая вид, будто что-то обдумываю. — Вот что я тебе скажу: в следующую субботу устраивается вечеринка, и на ней будет наш Лапочка.

— Первое: не надо его так называть. Второе: откуда ты знаешь, где он будет? — с подозрением спрашивает Ханна.

— Оттуда, что это будет день рождения Бо Максвелла. Ну, квотербека. Там будет вся команда. — Я делаю паузу. — Ну, и мы тоже.

— Гм-м-м. И что будет, когда мы придем туда?

Вопрос она задает небрежным тоном, но я-то знаю, что мне все же удалось направить ее мысли в нужное мне русло.

— Будем тусоваться, выпьем пива. Я представлю тебя всем как свою девушку. Телкам захочется прикончить тебя. А ребята будут гадать, как это до сих пор они не запеленговали тебя своими локаторами. Кол тоже будет гадать, но мы сделаем вид, что этого не замечаем.

— А почему это он будет гадать?

— Потому что этот факт будет его бесить. Ты покажешься ему еще более недостижимой.

Она закусывает губу. Интересно, она понимает, как легко читаются ее эмоции? Тревога, гнев, замешательство. Все это отражается в ее глазах, и это восхищает меня. Я прилагаю все силы к тому, чтобы скрывать свои чувства — этот урок я выучил еще в детстве, — а лицо Ханны открытая книга. Это действует как освежающий душ.

— Ты очень уверен в себе, — наконец говорит она. — Ты честно считаешь себя таким подарком, что одного появления с тобой достаточно, чтобы превратить меня в знаменитость?

— Да. — Я не самонадеян, я просто говорю правду. За два года учебы в этом колледже я заработал себе определенную репутацию.

А если честно? Иногда я даже наполовину не чувствую себя таким крутым, каким меня считают окружающие. Я уверен: если бы кто-нибудь потратил хоть немного времени, чтобы узнать меня, обязательно изменил бы свое мнение. Все это очень напоминает тот пруд, на котором я катался в детстве: издали лед казался блестящим и гладким, но стоило ступить на него, как становилось ясно, что он вдоль и поперек исчерчен коньками, а рытвины по краям такие глубокие, что по ним не проедешь. Вот и я такой, наверное. Весь покрыт рытвинами, которые никто не замечает.

М-да, что-то я сегодня расфилософствовался.

Сидящая рядом Ханна молчит, кусает губу и обдумывает мое предложение.

Я уже готов сказать ей, чтобы она все забыла. Мне кажется... неправильным, что эта девчонка переживает из-за такого придурка, как Кол. Ее интеллекту и острому, как бритва, язычку можно найти лучшее применение.

Но тут я вспоминаю о своей комнате, о ребятах, которые рассчитывают на меня, и отмахиваюсь от своих сомнений.

— Подумай об этом, — продолжаю уговаривать я. — Пересдача в следующую пятницу, так что у нас есть полторы недели, чтобы позаниматься. Я напишу работу, и в субботу мы с тобой двинем на вечеринку к Максвеллу и покажем Лапочке, как ты сексапильна и желанна. Он не устоит, поверь мне.

— Первое: не называй его так. Второе: прекрати говорить, чтобы я поверила тебе. Я же даже не знаю тебя. — Несмотря на ее сердитый тон, я уже знаю, что она сдалась. — Послушай, я не могу весь семестр заниматься с тобой. Честное слово, у меня нет времени.

— Только одну неделю, — обещаю я.

Ханна колеблется.

Я не осуждаю девушку за то, что она сомневается во мне. Ведь и правда, я уже придумываю, как уговорить ее не бросать меня, пока длится курс Толберт, но... спешить не надо, сначала выиграем одну битву и начнем следующую.

— Ну что, договорились? — спрашиваю я.

Ханна молчит, но когда я уже думаю, что надежды нет, она вздыхает и говорит:

— Ладно. Договорились.

Офигеть!

Какая-то часть меня искренне шокирована тем, что мне удалось взять Ханну измором. Я целую вечность изводил ее, и вот победа у меня в руках. Но почему-то у меня такое чувство, что я чего-то лишился. Надо бы в этом разобраться.

Как бы то ни было, я мысленно хвалю себя, заезжая на парковку позади общежитий.

— Ты в каком корпусе? — спрашиваю я.

— В Бристоль-Хаусе.

— Я тебя провожу. — Я отстегиваю ремень, но Ханна качает головой.

— Незачем. Мне не нужен телохранитель. — Она помахивает телефоном. — Ты забыл, что я в любой момент могу позвонить в «Спасение»?

Мы замолкаем.

— Ладно. — Я протягиваю руку. — Я рад, что мы с тобой заключили сделку.

Она смотрит на мою ладонь так, будто я — переносчик лихорадки Эбола. Я закатываю глаза и опускаю руку.

— Завтра я работаю до восьми, — говорит Ханна. — Так что можем встретиться после.

Ты же живешь не в общежитии, да?

— Да, но я мог бы приходить к тебе.

Она бледнеет, как будто я предложил обрить ее голову налысо.

— И позволить всем думать, что мы друзья? Ни за что. Сбрось мне свой адрес. Я буду приезжать к тебе.

Я еще не встречал людей, которых бы так отталкивала моя популярность, и я не знаю, как это воспринимать.

Допускаю, что это может мне понравиться.

— Между прочим, ты стала бы самой популярной девчонкой на своем этаже, если бы я приходил к тебе.

— Сбрось мне свой адрес, — твердо говорит она.

— Слушаюсь, мэ. — Я улыбаюсь. — До встречи завтра вечером.

В ответ я получаю угрюмый взгляд. Ханна быстро открывает дверцу, без единого слова вылезает из машины, потом с явной неохотой стучит в пассажирское окно.

Сдерживая ухмылку, я нажимаю кнопку и опускаю стекло.

— Что-то забыла? — насмешливо спрашиваю я.

— Спасибо, что подвез, — сурово произносит девушка.

С этими словами она уходит. Ханна быстрым шагом идет к темным зданиям, и ее зеленое платье трепещет на ночном ветерке.

Обычно я горжусь тем, что у меня есть голова на плечах и что я умею принимаю взвешенные решения. Но как быть с моим согласием заниматься с Гарретом? Глупее не бывает.

На следующий вечер по дороге к его дому я продолжаю костерить себя за это решение. Когда на вечеринке в Сигме он загнал меня угол, я собиралась послать его куда подальше, но он помахал Джастином у меня перед носом, как морковкой, и я схлопнулась, как дешевая палатка.

Надо же, я уже злоупотребляю метафорами.

Наверное, мне пора признать мрачную истину: мой здравый смысл скукоживается до нуля, когда дело касается Джастина Кола. Вчера вечером я ушла с тусовки, движимая одной целью: забыть о нем, а вместо этого я позволила Гаррету Грэхему пробудить во мне самую деструктивную для человечества эмоцию — надежду.

Надежду на то, что Джастин заметит меня. Надежду на то, что он тоже захочет меня. Надежду на то, что я наконец-то встречу человека, который вызовет у меня хоть какие-то чувства.

Просто удивительно, как сильно я одурманена этим парнем.

Я ставлю взятую в займы машину позади джипа Гаррета, рядом с блестящим черным пикапом, но двигатель не выключаю. Я размышляю над тем, что сказала бы мне мой психотерапевт, если бы узнала о сделке с Гарретом. Думаю, она была бы против, но Кэрол всегда ратовала за расширение полномочий. Она постоянно настаивала на том, чтобы я держала свою жизнь под контролем и хваталась за любую возможность, позволявшую забыть о нападении на меня.

Итак, на настоящий момент сухой остаток следующий: после изнасилования я встречалась с двумя парнями. Я спала с обоими. И ни один из них не вызвал у меня такого же горячего и страстного желания, как Джастин Кол со своим томным взглядом.

Кэрол сказала бы мне, что любая возможность стоит того, чтобы ее изучить.

Гаррет живет в двухэтажном таунхаусе с белой лепниной по фасаду. Крылечко у дома небольшое, террасы нет, перед домом — на удивление ухоженная лужайка. Преодолевая внутреннее сопротивление, я заставляю себя вылезти из машины и подойти к двери. В доме грохочет рок. В глубине души я надеюсь, что мой звонок потонет в этом грохоте, однако я слышу шаги. Дверь открывается, и я вижу перед собой высокого парня с взлохмаченными светлыми волосами и точеными чертами. Такое впечатление, будто он сошел с обложки *GQ*.

— О, привет, — говорит он, оглядывая меня с ног до головы. — А мой день рождения только на следующей неделе, но если ты мой подарок, то я не возражаю.

Черт, как же я не сообразила, что Гаррет наверняка соседствует с таким же несносным типом, как он сам.

Я крепко сжимаю лямку своей огромной сумки и подумываю о том, чтобы вернуться в машину, пока Гаррет не узнал о моем приходе. Однако мой план рушится, потому что в дверях появляется Гаррет. Он босиком, одет в потертые джинсы и поношенную серую

футболку. Волосы у него влажные, как будто он только что из душа.

— Привет, Уэллси, — весело говорит парень. — Опаздываешь.

— Я сказала в восемь пятнадцать. Сейчас восемь пятнадцать. — Я перевожу ледяной взгляд на мистера *GQ*. — Если ты намекал на то, что я шлюха, то ты очень сильно меня оскорбил.

— Ты принял ее за шлюху? — Гаррет сердито смотрит на приятеля. — Это мой репетитор, брат. Прояви хоть каплю уважения.

— Я не принимал ее за шлюху, я подумал, она стриптизерша, — отвечает блондин. Как будто это меняет дело! — Она же в костюме, черт побери.

В его словах есть резон. Под верхней одеждой можно разглядеть мою униформу официантки.

— ЗЫ: хочу стриптизершу на день рож, — заявляет *GQ*. — Только что решил. Запал на такой подарок.

— Я сделаю пару звонков, — обещает Гаррет, но как только его приятель уходит прочь, он понижает голос: — Не будет ему никакой стриптизерши. Мы все скинулись, чтобы купить ему новый айпод. Свой он утопил в пруду с карпами позади Хартфорд-Хауса.

Я смеюсь, а Гаррет вдруг набрасывается на меня, как горный лев.

— Боже ты мой! Это был смех? Я не знал, что ты умеешь смеяться. Ну, еще раз, чтобы я успел заснуть.

— Да я смеюсь постоянно. — Я делаю многозначительную паузу. — Правда, в основном над тобой.

Он прижимает руку к груди, делая вид, будто я сразила его наповал.

— А ты знаешь, что ты — это смерть для мужского эго?

Я закатываю глаза и закрываю входную дверь.

— Пошли в мою комнату, — говорит Гаррет.

Черт, он хочет заниматься в спальне? Наверное, другие девчонки об этом только мечтают, а вот у меня перспектива остаться с ним наедине вызывает тревогу.

— Джи, это тот самый репетитор? — слышу я мужской голос, когда мы проходим мимо комнаты, которая, как я предполагаю, является гостиной. — Эй, репетитор, давай сюда! Есть разговор!

Я испуганно смотрю на Гаррета, но он лишь усмехается и ведет меня к двери. Гостиная представляет собой самую настоящую холостяцкую берлогу. Обстановка включает два кожаных дивана, поставленных под углом друг к другу, сложную на вид мультимедийную систему и журнальный столик, заставленный пивными бутылками. С дивана поднимается темноволосый парень с живым взглядом голубых глаз, такой же красивый, как Гаррет и *GQ*, и по его манере двигаться я понимаю, что он отлично осознает свою привлекательность.

— В общем, так, — строгим голосом заявляет Голубоглазый. — Мой мальчик должен получить «отлично» на экзамене. Советую тебе не забывать об этом.

Я презрительно ухмыляюсь.

— А иначе что?

— А иначе я очень-очень расстроюсь. — Голубоглазый нарочито медленно оглядывает меня сверху вниз, потом снизу вверх, задерживаясь на моей груди. — Ты же не хочешь расстраивать меня, правда, красавица?

Гаррет издает смешок.

— Не трать зря время, старик. У нее иммунитет к флирту. Поверь мне, я уже

пробовал. — Он поворачивается ко мне. — Это Логан. Логан, это Уэллси.

— Ханна, — поправляю я его.

Логан на мгновение задумывается, потом качает головой.

— Не-а, мне больше нравится Уэллси.

— С Дином ты виделась в прихожей, а это Такер, — добавляет Гаррет, указывая на рыжего парня на диване. Сюрприз! Этот парень такой же привлекательный, как остальные.

Наверное, думаю я, жильцы этого дома подбирались по признаку «чертовски сексуален».

Только Гаррета я об этом спрашивать не буду. Его это и так распухло до небывалых размеров.

— Привет, Уэллси, — машет мне Такер.

Я вздыхаю. Прекрасно. Я так понимаю, что я теперь Уэллси.

— Уэллси — звезда рождественского концерта, — сообщает приятелям Гаррет.

— Зимнего конкурса, — поправляю я.

— А я как сказал? — Гаррет отмахивается. — Ладно, давай братья за эту муть. Увидимся, ребята.

Я вслед за Гарретом поднимаюсь по узкой лестнице на второй этаж. Его комната в конце коридора. Судя по ее размерам и наличию отдельного санузла, это главная спальня дома.

— Ты не возражаешь, если я быстро переоденусь? — смущенно спрашиваю я. — У меня в сумке нормальная одежда.

Он плюхнулся на край гигантской кровати и откинулся, опираясь на локти.

— Давай начинай. А я буду наслаждаться шоу.

Я стискиваю челюсти.

— Я имела в виду, в ванной.

— Тогда неинтересно.

— А никто и не говорил, что будет интересно, — парирую я сквозь зубы.

В ванной чище, чем я ожидала, в воздухе все еще стоит слабый древесный аромат лосьона после бритья. Я натягиваю лосины, набрасываю черный свитер, собираю волосы в хвост и засовываю униформу в сумку.

Когда я выхожу, Гаррет все еще сидит на кровати. Он поглощен своим телефоном и даже не поднимает глаз, когда я вываливаю на кровать рядом с ним внушительную кучу учебников.

— Как ты меня ни раздражаешь, но я тебя процитирую: ты готов братья за эту муть? — саркастически спрашиваю я.

Он рассеянно отвечает:

— Ага. Один секунд. — Он длинными пальцами набивает сообщение и откладывает телефон в сторону. — Извини. Теперь я весь внимание.

Варианты моего размещения ограничены. У окна стоит письменный стол, но там только один стул, причем он завален одеждой. Та же ситуация с креслом в углу. Сидеть на голом полу мне не очень-то улыбается.

Остается кровать.

Я с неохотой забираюсь с ногами на матрас и сажусь по-турецки.

— Итак, думаю, нам первым делом надо пройти по всем теориям. Нужно убедиться, что ты знаешь их суть. А потом мы начнем применять их к списку конфликтов и моральных дилемм.

— Звучит неплохо.

— Тогда давай начнем с Канта. Его этика довольно прямолинейна.

Я открываю буклет с лекциями, который раздала нам Толберт в начале года, и, листая страницы, нахожу материал по Иммануилу Канту. Гаррет заползает на кровать и полусидя устраивается в изголовье. Он тяжело вздыхает, когда я кладу ему на колени открытый разворот.

— Читай, — приказываю я.

— Вслух?

— Ага. А когда прочтешь, перескажи, что ты прочитал. Как думаешь, справишься?

Секундная пауза, затем его нижняя губа начинает как-то странно дрожать.

— Может, сейчас не самое время говорить тебе об этом, но... я не умею читать.

У меня отвисает челюсть. Матерь божья. Он наверняка шу...

Гаррет раздражается хохотом.

— Успокойся, я просто пошутил. — Он становится серьезным. — А ты, что, серьезно подумала, что я не умею читать? Ну, Уэллси, ты даешь.

Я одаряю его ласковой улыбкой.

— Меня бы это ни капельки не удивило.

Однако Гаррету все же удается удивить меня. Он не только прочитывает лекцию, гладко и четко выговаривая все сложные слова, но и почти дословно пересказывает основы категорического императива Канта.

— У тебя фотографическая память? — спрашиваю я.

— Нет. Просто я умею работать с фактами. — Он пожимает плечами. — Но у меня не получается применять теории к моральным ситуациям.

Я даю ему поблажку.

— На мой взгляд, все это полнейшая чушь. Откуда нам знать, что все эти философы — уже давно сошедшие в могилу — подумали бы о гипотетических вопросах Толберт? Нам известно только то, что они оценивали бы их отдельно, в каждом конкретном случае. Правильно и неправильно — это не черное и белое. Тут гораздо сложнее, чем...

У Гаррета звонит телефон.

— Черт, один секунд. — Он смотрит на экран, хмурится и отправляет еще одну эсэмэску. — Извини, так что ты говорила?

Следующие двадцать минут мы тратим на самые тонкие вопросы этических взглядов Канта.

За это время Гаррет успевает отправить еще пять сообщений.

— Господи! — взрываюсь я. — Мне что, конфисковать у тебя эту штуку?

— Извини, — в тысячный раз говорит он. — Я поставлю его на беззвучный режим.

Это ничего не меняет, так как парень кладет телефон рядом, и экран у этой чертовой штуковины загорается всякий раз, когда приходит сообщение.

— Так что, по сути, логика — это стержень кантовской этики... — Я замолкаю, когда экран снова вспыхивает. — Бред какой-то? Кто тебе пишет?

— Никто.

Как же, никто, задница. Я хватаю телефон и нажимаю на иконку «Сообщения». Имени нет, только номер, но не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: отправитель — женщина. Если только желание «облизать Гаррета с ног до головы» не возникло у какого-то парня.

— Ты занимаешься сексом по переписке во время занятия? Что с тобой не так?

Он вздыхает.

— Я не занимаюсь сексом. Это она занимается.

— Гм. Давай осудим ее, да?

— Почитай мои ответы, — предлагает он. — Я ей твержу, что я занят. Не моя вина, что она не понимает намеки.

Я прокручиваю переписку и обнаруживаю, что Гаррет говорит правду. Все сообщения, что он отправил за последние полчаса, переполнены словами «занят», «занимаюсь» и «поговорим позже».

Вздыхнув, я открываю клавиатуру и начинаю набивать текст. Гаррет протестует и пытается выхватить у меня телефон, но поздно. Я уже нажала кнопку «Отправить».

— Вот, — объявляю я. — Теперь она отстанет.

— Честное слово, Уэлси, если ты... — Он замолкает, прочитав сообщение.

«Это репетитор Гаррета. Ты мешаешь нам. Мы скоро закончим. Не сомневаюсь, еще полчаса ты спокойно высидишь в застегнутых штанишках».

Гаррет встречается со мной взглядом и хохочет так громко, что я не выдерживаю и улыбаюсь.

— Это будет эффективнее, чем твои недоделанные «оставь меня в покое», согласен?

Он хмыкает.

— Спорить не о чем.

— Надеюсь, твоя подружка заткнется хоть на некоторое время.

— Она не моя подружка. Эту «хоккейную зайку» я подцепил в прошлом году и...

— Хоккейную зайку? — в ужасе повторяю я. — Какая же ты свинья. Вот так ты называешь женщин?

— А если женщина заинтересована только в том, чтобы переспать с хоккеистом, а потом хвастаться перед всеми подругами, что она переспала с хоккеистом? Да, мы так их и называем, — едко парирует парень. — Между прочим, в этом сценарии именно я являюсь объектом.

— Пусть тебе от этого лучше спится... — Я тянусь за буклетом. — Давай перейдем к утилитаризму. Сосредоточимся на Бентаме.

Затем я провожу контрольный опрос по тем двум философам, что мы обсуждали сегодня, и радуюсь, когда получаю от Гаррета правильные ответы, причем даже на каверзные вопросы.

Замечательно. Может, Гаррет Грэхем не такой уж тупица, как я думала.

К концу часа я убеждаюсь, что он не просто вызубрил материал и выдал мне заученные ответы. Он все в полной мере постиг, причем настолько глубоко, будто и в самом деле проникся этическими идеями. Жаль, что на переэкзаменовке не дается право выбора, иначе, я уверена, он блестяще сдал бы экзамен.

— Завтра приступим к постмодернизму. — Я вздыхаю. — По моему скромному мнению, это, наверное, самое запутанное учение в истории человечества. У меня репетиция до шести, а потом я свободна.

Гаррет кивает.

— А у меня тренировка до семи. Как насчет восьми?

— Меня вполне устраивает. — Я складываю учебники в сумку и иду в туалет. Когда я выхожу, то вижу, что Гаррет копается в моем айпоне.

— Ты шарил в моей сумке?! — вскрикиваю я. — Неужели правда?

— Твой айпод выпал из наружного кармашка, — возражает парень. — Мне захотелось посмотреть, что у тебя на нем. — Не отводя взгляда от экрана, он начинает читать имена вслух: — *Etta James*^[15], *Adele*^[16], *Queen*, *Ella Fitzgerald*^[17], *Aretha*^[18], *Beatles*. Боже, до чего странная эклектика! — Неожиданно он озадаченно качает головой. — Слушай, а ты знаешь, что у тебя тут *One Direction*?

— Серьезно? — с сарказмом говорю я. — Наверное, само загрузилось.

— Кажется, ты напрочь лишилась моего уважения. А ведь ты, как-никак, учишься на музыкальном.

Я выхватываю у него айпод и прячу его в сумку.

— *One Direction* делает великолепные гармонии.

— Позволю себе не согласиться. — Он решительно вздергивает подбородок. — Я составлю тебе плейлист. Очевидно, тебе надо уяснить разницу между хорошей музыкой и дерьмовой.

— До завтра, — цежу я сквозь зубы.

Гаррет, захваченный своей идеей, перебирается к *iMac* на своем столе.

— Что ты думаешь насчет *Lynyrd Skynyrd*? Или тебе нравятся только те группы, где мужики выступают в одинаковых нарядах?

— Спокойной ночи, Гаррет.

Я выхожу из комнаты. Я готова рвать на себе волосы. Я не могу поверить, что согласилась целых полторы недели заниматься с ним.

Да поможет мне бог.

На следующий вечер Элли звонит в тот момент, когда я вылетаю из музыкального корпуса после очередной катастрофической репетиции с Кэссом.

— Ого, — говорит она, когда слышит мой тон. — Что это с тобой?

— Кэссиди Донован, — сердито отвечаю я. — Репетиция была кошмарной.

— Он опять пытается украсть у тебя все хорошие ноты?

— Хуже. — Я слишком взбешена, чтобы пересказывать случившееся, я и не пересказываю. — Эл, мне дико хочется подкрасться к нему, когда он будет спать, и придушить подушкой. Нет, мне хочется прикончить его, когда он будет бодрствовать, чтобы он успел увидеть радость на моем лице.

Ее смех щекочет мое ухо.

— Черт. А он здорово достал тебя, да? Хочешь поговорить об этом за ужином?

— Не смогу. Я сегодня встречаюсь с Грэхемом. — Еще одна договоренность, которую у меня нет желания выполнять. Моя мечта — принять душ и улечься перед телевизором, но я знаю Гаррета, он станет преследовать меня и орать, если я осмелюсь отменить нашу встречу.

— До сих пор не могу поверить, что ты согласилась на эти занятия, — тянет Элли. — Наверное, он умеет убеждать.

— Типа того, — соглашаюсь я.

Я не рассказывала Элли о нашей сделке с Гарретом главным образом потому, что хочу оттянуть тот момент, когда она узнает о моей одержимости Джастином и начнет меня поддразнивать. Знаю, я не смогу вечно скрывать от нее правду — у нее наверняка возникнут вопросы, когда выяснится, что я иду на вечеринку с Гарретом. Но к этому времени я успею придумать хороший предлог.

Есть вещи, в которых стыдно признаваться даже ближайшей подруге.

— Сколько он тебе платит? — с любопытством спрашивает она.

Я, как дура, называю первую попавшуюся сумму.

— Э, шестьдесят.

— Шестьдесят долларов в час?! Мать честная. Безумие какое-то. Тебе стоит пригласить меня в ресторан и угостить хорошим стейком, когда вы закончите.

Угостить стейком? Черт. Да такой стейк стоит моего заработка за три смены!

Вот доказательство того, что врать плохо. Вранье всегда возвращается, чтобы укусить вас за одно место.

— Обязательно, — беззаботным тоном говорю я. — Кстати, мне пора. На сегодня Трейси машину мне не дала, так что мне нужно вызвать такси. Увидимся через пару часов.

Такси довозит меня до дома Гаррета, и я договариваюсь с водителем, чтобы он заехал за мной через полтора часа. Гаррет предупредил меня, чтобы я спокойно заходила в дом, так как за ревом телевизора или стереосистемы звонок никто не слышит. Однако сейчас в доме стоит тишина.

— Грэхем?! — кричу я от двери.

— Я наверху, — слышится его голос.

Я поднимаюсь в его спальню. Он одет в спортивные брюки и белую майку-борцовку, которая подчеркивает красоту его идеально сформированных бицепсов и сильных предплечий. Я не могу отрицать, что его тело выглядит... притягательно. Он крупный, но не такой грузный, как футбольные полузащитники, высокий, гибкий и мускулистый. На правом предплечье я вижу татуировку: черные языки пламени тянутся к плечу, огибая бицепс.

— Привет. А где твои соседи?

— Сегодня же пятница — где, по-твоему, они могут быть? Тусуются, — мрачно отвечает парень, доставая лекции из валяющегося на полу рюкзака.

— А ты предпочел позаниматься, — замечаю я. — Даже не знаю, что лучше: восхититься твоим героизмом или пожалеть тебя?

— Уэллси, я не тусуюсь во время сезона. Я уже говорил тебе об этом.

Говорил, но я ему не поверила. Как это он не тусуется каждый вечер? Я имею в виду, взгляните на этого парня. Да он прекраснее и популярнее, чем Бибер. Ну, во всяком случае, чем тот Бибер, каким он был до того, как сорвался с катушек и бросил свою обезьянку в чужой стране.

Мы устраиваемся на кровати и сразу принимаемся за работу, но каждый раз, когда Гаррет принимается читать теорию, я мысленно возвращаюсь к сегодняшней репетиции. Во мне продолжает кипеть гнев, и испорченное настроение, как ни стыдно мне признавать это, отражается на наших занятиях. Я въедливее, чем хотела бы, и страшно раздражаюсь, когда Гаррет неправильно истолковывает материал.

— Неужели так сложно? — ворчу я, когда он в третий раз не может ответить на вопрос. — Он говорит...

— Ладно, я все понял, — обрывает меня парень, досадливо хмурясь. — Незачем кидаться на меня, Уэллси.

— Извини. — Я на мгновение закрываю глаза, чтобы успокоиться. — Давай перейдем к следующему философу. Вернемся к Фуко в конце.

Гаррет сурово смотрит на меня.

— Никуда мы переходить не будем. Во всяком случае, до тех пор пока ты не расскажешь, почему тебе так и хочется откусить мне голову. Что, Лапочка игнорирует тебя в квадрате?

Его сарказм только подстегивает мое раздражение.

— Нет.

— У тебя месячные?

— О боже. Ты меня достал. Просто читай.

— Я не буду читать эту чертовщину. — Парень складывает руки на груди. — Послушай, есть легкий способ справиться с твоей стервозностью. Тебе достаточно рассказать, что тебя взбесило, я объясню тебе, что ты ведешь себя нелепо, и мы мирно продолжим занятия.

Я недооценила упрямство Гаррета. А зря, ведь он своей настойчивостью перехитрил меня и добился всего, что ему было надо. Я не хочу откровенничать с ним, но моя ссора с Кэссом висит надо мной, как темная туча, и мне надо развеять скопившуюся в ней грозную энергию, пока она меня не поглотила.

— Он хочет хор!

Гаррет хлопает глазами.

— Кто хочет хор?

— Мой партнер по дуэту, — угрюмо отвечаю я. — Он же проклятье моей жизни. Клянусь, если бы я не боялась сломать руку, я бы врезала по его наглому, тупой роже.

— Хочешь, я научу тебя? — Гаррет крепко сжимает губы, как будто сдерживает смех.

— Меня так и подмывает сказать «да». Если серьезно, то с этим парнем просто невозможно работать. Песня фантастическая, а он только и делает, что придирается к каждой микроскопической детали. Тональность, темп, аранжировка, чертовы костюмы, в которых мы будем выступать.

— Ладно... так что насчет хора?

— Только представь, Гаррет: Кэсс хочет, чтобы в последнем куплете нам подпевал хор. Чертов хор. Мы уже неделями репетируем эту песню. Предполагалось, что исполнение будет простеньким и незатейливым, чтобы мы оба могли раскрыть свои голоса, и тут он вдруг предлагает сделать из этого гигантское представление!

— Тебя послушать, так он самая настоящая дива.

— Он и есть дива. Я готова оторвать ему башку. — От гнева у меня сдавливают горло, руки трясутся. — И потом, как будто всего этого ему мало, за две минуты до конца репетиции он заявляет, что нам нужно изменить аранжировку.

— А что не так с аранжировкой?

— Ничего. С аранжировкой все нормально. А Мэри-Джейн — девчонка, которая написала эту проклятую песню, — сидит и помалкивает! Не знаю, то ли она боится Кэсса, то ли втюрилась в него, но от нее никакой помощи. Она затыкается, когда мы начинаем бодаться, а должна была бы высказывать свое мнение и помогать решать проблему.

Гаррет надувает губы. Примерно так делала моя бабушка, когда глубоко задумывалась. Просто прелесть.

Но он прибьет меня, если я скажу, что он напомнил мне мою бабушку.

— Ну? — говорю я, не выдерживая его молчания.

— Я хочу услышать эту песню.

Моему удивлению нет предела.

— Почему? Зачем?

— Затем, что ты только о ней и говоришь с того момента, как мы увиделись.

— Ничего подобного! Я заговорила о ней впервые!

Он небрежно отмахивается — подозреваю, это типичный для него жест.

— Ну, я хочу услышать ее. Если у этой девочки по имени Мэри-Джейн кишка тонка для правомочной критики, тогда это сделаю я. — Он пожимает плечами. — Может, твой партнер — как его зовут?..

— Кэсс.

— Может, Кэсс и прав, а ты просто слишком упряма, чтобы увидеть это.

— Поверь мне, он ошибается.

— Замечательно, только позволь судить мне. Спой оба варианта — тот, который сейчас, и тот, на котором настаивает Кэсс, — и я выскажу тебе свое мнение. Ты же играешь, да?

Я непонимающе хмурюсь.

— Что играю?

Гаррет закатывает глаза.

— На инструментах.

— А, да, играю. На пианино и гитаре. А что?

— Сейчас приду.

Он выбегает из комнаты. Я слышу его шаги в коридоре, потом скрипит какая-то дверь. Он возвращается с акустической гитарой в руке.

— Такера, — поясняет он. — Он не обидится, если ты поиграешь на ней.

Я скрежещу зубами.

— Я не собираюсь петь тебе серенады.

— А почему бы нет? Ты стесняешься?

— Нет. Просто у меня есть другие дела. — Я устремляю на него многозначительный взгляд. — Например, помочь тебе с пересдачей.

— Мы почти закончили с постмодернизмом. Все самое трудное будет на следующем занятии. — В его голосе появляются дразнящие нотки. — Ладно тебе, у нас есть время. Дай мне послушать.

Он совершенно по-мальчишески улыбается, и я сдаюсь. Он мастерски научился изображать из себя веселого мальчишку. Только он не мальчишка. Он мужчина с сильным телом и решительно вздернутым подбородком. Я знаю: Гаррет будет травить меня весь вечер, если я не соглашусь спеть.

Я беру гитару и пробегаю пальцами по струнам. Гитара настроена, правда, чуть выше, чем та, что у меня дома, но звук замечательный.

Гаррет забирается на кровать и кладет голову на целую гору подушек. Я впервые вижу, чтобы человеку для сна нужно было так много подушек. Может, они необходимы ему как колыбель для его непомерного эго?

— Ладно, — сдаюсь я. — Вот так это выглядит сейчас. Представь, что в первом куплете ко мне присоединяется мужской голос, а потом мы поем второй куплет.

Я знаю многих певцов, которые стесняются петь перед незнакомыми людьми, но у меня с этим проблем нет. С самого детства музыка была для меня убежищем. Когда я пою, окружающий мир исчезает. Остаюсь я и музыка, а еще чувство глубокого покоя, который я нигде больше не могу найти, как ни стараюсь.

Я набираю в грудь воздуха, проигрываю вступительные аккорды и начинаю петь. Я не смотрю на Гаррета, потому что меня здесь уже нет, я растворилась в мелодии и словах, я полностью сосредоточена на звучании своего голоса и гитары.

Мне нравится эта песня. Действительно нравится. Она обладает неповторимой красотой, и даже без дополняющего мой голос богатого баритона Кэсса она все равно производит неизгладимое впечатление своей щемящей душу глубиной, столь характерной для лирики Эм-Джи.

Почти сразу же у меня в голове проясняется, а на сердце становится легче. Я опять единое целое, и все это благодаря музыке. Музыка спасла меня и после изнасилования. Когда меня что-то гнетет, или когда не хватает сил переносить душевную боль, я сажусь за пианино или беру гитару, и я понимаю, что счастье рядом. И оно всегда достижимо для меня, всегда доступно, пока я могу петь.

Несколько минут спустя последняя нота растворяется в воздухе, как нежный аромат духов, и я возвращаюсь в настоящее. Я поворачиваюсь к Гаррету, но его лицо ничего не выражает. Даже не знаю, чего я ожидала от него. Восторгов? Насмешек?

Вот молчания точно не ожидала.

— Хочешь услышать версию Кэсса? — спрашиваю я.

Он кивает. Всего лишь. Еле заметно дергает головой и ничего не говорит.

Отсутствие реакции с его стороны нервирует меня, и на этот раз я пою с закрытыми глазами. Я передвигаю модуляцию туда, куда настаивал Кэсс, повторяю еще раз припев так, как он хотел, и точно понимаю, что во мне нет ни капли предвзятости, когда я отстаиваю

первый вариант. Второй вариант скучный, а повтор припева — явный перебор.

К моему удивлению, Гаррет соглашается со мной сразу же, как только я высказываю свое мнение.

— В таком исполнении она затянута, — говорит он хриплым голосом.

— Ведь это же ясно, правда? — Я потрясена тем, что Гаррет практически озвучил мои умозаключения. Эх, если бы у Эм-Джи хватало духу высказываться в присутствии Кэсса.

— И забудь о хоре. Тебе он не нужен. Черт, я думаю, и Кэсс тебе не нужен. — Парень ошарашенно качает головой. — Твой голос... знаешь, Уэллси, он прекрасен.

У меня начинают пылать щеки.

— Ты так думаешь?

Взволнованное выражение на его лице говорит мне о том, что он абсолютно серьезен.

— Сыграй что-нибудь еще, — просит он.

— Гм, а что ты хочешь услышать?

— Что угодно. Мне безразлично. — Я поражена страстностью его голоса, эмоциями, которые отражаются в его серых глазах. — Мне просто нужно еще раз услышать, как ты поешь.

Ого. Ладно. Всю жизнь люди говорили мне, что я талантлива, но кроме родителей, никто больше не умолял меня спеть.

— Пожалуйста, — тихо просит Гаррет.

И я пою. Песню собственного сочинения, но так как она еще сырая, я перехожу на другую. Я играю «Будь со мной»^[19], любимую песню мамы, ту, которую я пела ей на каждый день рождения. Воспоминания снова уносят меня туда, где царят мир и спокойствие.

На половине песни глаза Гаррета закрываются. Я вижу, как мерно поднимается и опускается его грудная клетка, мой голос дрожит от переполняющих меня эмоций. Затем мой взгляд перемещается на лицо Гаррета, и я замечаю среди щетины маленький белый шрам на подбородке, Интересно, где он его получил, спрашиваю я себя. Хоккей? Несчастный случай, когда он был ребенком?

Его глаза остаются зарытыми до последнего аккорда, и я решаю, что он заснул. Я откладываю гитару.

Глаза Гаррета распахиваются прежде, чем я успеваю встать с кровати.

— Ой, ты не спишь, — вздрагиваю я. — Я думала, ты заснул.

Он садится, и в его голосе слышится неподдельный восторг:

— Где ты научилась так петь?

Я в замешательстве пожимаю плечами. В отличие от Кэсса, я не умею петь себе дифирамбы.

— Не знаю. Это то, что я умела всегда.

— Ты училась? — Я мотаю головой. — То есть ты однажды открыла рот и запела вот так?

Я смеюсь.

— Ты говоришь, как мои родители. Папа и мама часто шутили, что в роддоме произошла путаница и им выдали чужого ребенка. У меня в семье все безголосые. Никто не может понять, от кого у меня способности к музыке.

— Надо бы взять у тебя автограф. Когда тебя будут награждать *Grammy*, я продам его на *eBay* за огромные деньги.

Я вздыхаю.

— Музыкальный бизнес жесток, дружище. Я не выдержу и сорвусь, если попытаюсь влезть во все это.

— Выдержишь. — В его голосе нет ни тени сомнения. — Кстати, я думаю, ты делаешь ошибку, выступая на конкурсе дуэтом. Ты должна быть на сцене одна. Серьезно. Представь: ты сидишь на сцене в единственном круге света и поешь так, как пела сейчас. Да от твоего выступления у всех зрителей по коже побегут мурашки.

Может, Гаррет и прав. Не насчет мурашек, а насчет того, что я сделала ошибку, объединившись с Кэссом.

— Ну, уже поздно. Мне некуда деваться.

— Ты всегда можешь отказаться.

— Ни за что. Это подло.

— Я имею в виду вот что: если ты откажешься сейчас, у тебя хватит времени подготовить соло. Если будешь тянуть, то останешься в дураках.

— Я так не могу. — Я смотрю на парня с вызовом. — Ты бы смог подвести своих товарищей по команде, зная, что они на тебя рассчитывают?

Он отвечает без колебаний:

— Никогда.

— Тогда почему ты думаешь, что я пойду на такое?

— Потому что Кэсс не из твоей команды, — спокойно отвечает Гаррет. — Судя по тому, что ты рассказываешь, он с самого начала действует исключительно тебе во вред.

— Я согласилась петь с ним, — твердо говорю я. — А мое слово что-то да значит. — Я смотрю на будильник и чертыхаюсь, понимая, сколько времени. — Мне пора. Такси уже ждет меня. — Я быстро соскакиваю с кровати. — Только мне сначала нужно пописать.

Гаррет хмыкает.

— СМИ^[20].

— Все пишут, Гаррет. Смирись с этим.

Через несколько минут, когда я выхожу из туалета, я вижу на лице Гаррета невиннейшее на свете выражение. И, естественно, у меня тут же возникают подозрения. Я смотрю на учебники, разбросанные по кровати, затем на свою сумку на полу, но ничего из ряда вон входящего не замечаю.

— Что ты сделал? — спрашиваю я.

— Ничего, — беззаботно отвечает он. — Знаешь, у меня завтра игра, так что наше следующее занятие будет в воскресенье. Как тебе? Ближе к вечеру?

— Хорошо, — говорю я, но все равно не могу избавиться от ощущения, что он что-то затеял.

Только через пятнадцать минут, проходя в свою комнату, я обнаруживаю, что мои подозрения были не беспочвенны. У меня от ярости аж сводит скулы, когда я получаю сообщение от Гаррета.

Он: Признание: когда ты была в WC, я стер с твоего iPod весь 1 Direction. Не стоит благодарности.

Я: ЧТО??? Я тебя люблю!

Он: Сильно?

Тут я соображаю, что произошло, и холодею от ужаса.

Я: Я убью тебя! Я имела в виду УБЬЮ! Чертова автозамена.

Он: Нуууууда, теперь будем винить автозамену.

Я: Чтоб ее.

Он: Кажется, кто-то меня так любит, что хочет поцеловать...

Я: Спокойной ночи, Грэхем.

Он: Ты точно не хочешь вернуться сюда? Потренировать наши языки?

Я: Фи. Ни за что.

Он: Угу. ЗЫ — проверь почту. Я отправил тебе зазипованную музыку. Настоящую музыку.

Я: И она прямиком отправится в корзину.

Я улыбаюсь, отправляя это сообщение, и в этот момент в комнату входит Элли — как у нее получается так подгадывать?

— Кому пишешь? — Она пьет свой любимый сок, эту мерзость, и соломинка выпадает из ее рта, когда она ахает: — Вот это да! Джастину?

— Не-а, всего лишь Грэхему. Он опять достал меня до самого не могу.

— А что, вы теперь друзья? — поддразнивает меня Элли.

Я ошарашенно замираю. У меня на языке вертится категорическое «нет», но я чувствую, что это неправильный ответ, вспоминая, как мы провели последние два часа, как я разоткровенничалась с ним о своих проблемах с Кэссом, а потом пела ему серенады, будто трубадур. Если честно, Гаррет Грэхем не так уж плох, как я думала, пусть он временами и бывает невыносим.

Так что я печально улыбаюсь и говорю:

— Ага, наверное.

Грэг Бракстон самый настоящий зверь. Это почти центнер живого веса, а скорость и точность броска в один прекрасный день наверняка обеспечат ему контракт в НХЛ. Ну, только если лига захочет закрыть глаза на то, что он столько времени проводит на скамье штрафников. Сейчас идет второй период, и Бракстон уже заработал три удаления, одно из которых закончилось голом благодаря стараниям Логана. Потом Логан проехал мимо скамейки штрафников специально для того, чтобы самодовольно помахать Бракстону. Это большая ошибка, потому что теперь у Бракстона, которого выпустили на лед, в руках заточенный топор войны.

Он впечатывает меня в борт с такой силой, что у меня трещат кости, но, к счастью, я успеваю отпасовать и, быстро избавившись от тумана в голове, замечаю, как Такер кистевым броском отправляет шайбу в ворота «Сент-Энтони». Загорается табло, и даже стоны и свист зрителей не умаляют радости победы. Играть на чужом поле не так приятно, как на своем, однако я подпитываюсь энергией толпы, пусть и негативной.

Когда сирена возвещает об окончании периода, мы уходим в раздевалку со счетом 2:0 в нашу пользу. Все возбуждены тем, что за два периода противнику так и не удалось размочить счет, но тренер Дженсен не дает нам расслабляться. Пусть мы и впереди — он все равно не позволит нам забыть, что мы что-то делаем не так.

— Ди Лаурентис! — орет он Дину. — Ты позволил тридцать четвертому отшвырнуть тебя, как тряпичную куклу! А ты... — Тренер переводит сердитый взгляд на одного из наших защитников. — Ты дважды дал им оторваться! Твоя задача — следовать тенью за этими придурками! Ты видел, как Логан врезал им в начале периода? Я и от тебя, Рено, жду такой же жесткой игры. А ты что делаешь? Вертишь жопой, как баба на танцульках, и бедрышком нежненько их тюк, тюк. Хватит! Веди себя как мужик, врежь им!

Когда тренер перемещается в другую часть раздевалки, чтобы выдать еще одну порцию критических замечаний, мы с Логаном переглядываемся и усмехаемся. Дженсен крут, но он чертовски хорошо делает свою работу. Он хвалит, когда похвала заслужена, остальное же время давит на нас, чтобы мы стали лучше.

— Жестко он с тобой. — Такер сочувственно смотрит на меня, когда я поднимаю фуфайку и разглядываю левый бок.

Мое тело здорово пострадало, уже видно, как темнеет кожа там, где будет здоровенный синяк.

— Выживу, — говорю я, пожимая плечами.

Тренер хлопает в ладоши, подавая сигнал, что пора возвращаться на лед. Мы снимаем чехлы с коньков и выходим из раздевалки.

Едва выйдя на лед, я уже чувствую на себе этот взгляд. Я не ищу его среди зрителей, но я знаю, что увижу, если захочу. Моего отца, сгорбившегося на своем обычном месте на верхней трибуне, в бейсболке «Рейн-джерс», низко надвинутой на глаза, и с сжатыми в тонкую линию губами.

Кампус Сент-Энтони расположен не очень далеко от Брайара, а значит, дорога от

Бостона заняла у отца целый час, но даже если бы мы играли товарищеский матч в нескольких часах езды, да еще во время сильнейшего за всю историю человечества снегопада, он бы обязательно приехал. Старик не пропускает ни одной игры.

Фил Грэхем, легенда хоккея и гордый отец.

Именно так, черт побери.

Я отлично знаю, что он приезжает не для того, чтобы посмотреть, как играет его сын. Он приезжает для того, чтобы взглянуть, как играет продолжение его самого.

Иногда я задаюсь вопросом, что было бы, если бы я облажался. Если бы я не научился кататься? Забывать? Что, если бы я был тощим и костлявым с координацией коробки для «Клинекса»? Или проявил бы способности к музыке? Или к химии?

Вероятно, у него случился бы удар. Или он убедил бы мою мать отдать меня на усыновление.

Я сглатываю кислотоватый привкус горечи во рту и присоединяюсь к товарищам по команде.

«Забудь о нем. Он не важен. Его здесь нет».

Именно это я повторяю себе каждый раз, когда переваливаюсь через борт и мои коньки касаются льда. Фил Грэхем ничего для меня не значит. Он уже давно перестал быть мне отцом.

Проблема в том, что моя мантра не гарантирует надежной защиты. Да, я могу забыть о нем, убедить себя в том, что он мне безразличен. Но он-то все равно здесь. Он всегда здесь, черт побери.

Третий период очень напряженный. «Сент-Энтони» сражается не на жизнь, а на смерть, ребятам отчаянно не хочется проигрывать всухую. Симмс бросается в атаку сразу после вбрасывания, а Логан и Холлис удерживают соперников у синей линии и не пускают их к нашим воротам.

Пот заливает мне лицо и шею, когда мое звено — я, Так и старшекурсник по прозвищу Берди^[21] идет в наступление. Защита «Сент-Энтони» — это слезы. Защитники надеются, что их нападающие откроют счет, а вратарь примет шайбу, которую они по бездарности впустили в свою зону. Логан сцепляется с Бракстоном позади наших ворот и выходит из схватки победителем. Берди передает шайбу Такеру, и мы втроем влетаем на вражескую территорию. У нас численное преимущество, и мы обрушиваемся на беспомощных защитников, которые даже не успевают понять, что происходит.

Ко мне скользит шайба, и рев на трибунах будоражит кровь. Бракстон, раздирая коньками лед, спешит ко мне, но я не дурак. Я передаю шайбу Таку и принимаю Бракстона на себя, мои же товарищи тем временем обманном движением выманивают вратаря и посылают шайбу мне для решающего броска.

Пущенная мою шайба влетает в ворота, и часы останавливаются. Мы побеждаем «Сент-Энтони» со счетом 3:0.

Мы вваливаемся в раздевалку. Даже у тренера хорошее настроение. Мы всухую разделили команду противника, приструнили это чудовище по имени Бракстон и добавили вторую победу в нашу копилку. Хотя еще только начало сезона, мы все уже видим себя звездами чемпионата.

Логан плюхается на скамью рядом со мной и принимается расшнуровывать ботинки.

— Так что за сделку ты заключил со своей репетиторшей? — Он задает свой вопрос как бы между прочим, но я-то хорошо его знаю, он спрашивает не просто так.

— С Уэллси? А при чем тут она?

— У нее кто-нибудь есть?

Вопрос застаёт меня врасплох. Логан имеет склонность к тощим, как жердь, и сладким, как сахар, девицам. Фигуристая и всезнающая Ханна в это никак не вписывается.

— Да, — настороженно отвечаю я. — А что?

Приятель пожимает плечами. Опять эта небрежность. И опять мне удастся заглянуть поглубже.

— Она горячая штучка. — Логан делает паузу. — Ты на нее запал?

— Не-а. И у тебя не сложится. Она положила глаз на одного дебила.

— Они вместе?

— Нет.

— Но тогда она становится дичью, на которую можно поохотиться?

Я напрягаюсь, лишь чуть-чуть, думаю, Логан этого не замечает. К счастью, к нам подходит Кенни Симмс, наш вратарь-волшебник, и мы вынуждены прекратить разговор.

Я не могу объяснить, что меня так взбеленило. Я не влюблен в Ханну, но от мысли, что у нее будут какие-то шашни с Логаном, на душе появляется неприятный осадок. Наверное, потому, что я хорошо знаю, какой скотиной может быть Логан. Я уже и не сосчитаю, сколько раз видел, как поутру мятые телки с позором выкатывались из его спальни.

Меня бесит, когда я представляю Ханну в таком виде, с взлохмаченными волосами и распухшими губами. Вряд ли такое может случиться, но я все равно этого страшусь. Она вроде бы нравится мне. Она не дает мне расслабиться, а вчера вечером, когда я услышал ее пение... Че-е-ерт. В «Американском идоле» героини направо и налево разбрасываются словами типа «высота звука» и «тональность», но я совсем не разбираюсь в технических аспектах пения. Зато знаю, что от грудного голоса Ханны у меня мурашки бегут по спине.

Я прогоняю все мысли о Ханне и иду в душ. Все празднуют победу, и для меня наступает тот самый период, от которого меня трясет. Победа или проигрыш, отец все равно будет ждать на парковке недалеко от нашего автобуса.

Я выхожу из спорткомплекса. На плече болтается спортивная сумка с формой, волосы еще влажные. Кто бы сомневался: старик на месте, стоит у припаркованных машин. Его пуховик застегнут до самого верха, козырек закрывает глаза.

Логан и Берди идут по обе стороны от меня и обсуждают нашу победу. Берди резко тормозит, когда замечает моего отца.

— Хочешь поздороваться? — тихо спрашивает он.

Я слышу надежду в его голосе. Мои товарищи не понимают, почему я не кричу на каждом углу о том, что мой отец — тот самый Фил Грэхем. Они считают его богом, а то, что я был зачат им, автоматически превращает меня, как мне кажется, в полубога. Когда я поступил в Брайар, они донимали меня, требуя, чтобы я взял у него автограф, но я наплел им всякую чушь, типа, что мой отец свирепо оберегает свою частную жизнь, и, к счастью, приятели отстали от меня.

— Нет. — Я продолжаю идти к автобусу и лишь немного поворачиваю голову, когда прохожу мимо отца.

Наши взгляды на мгновение встречаются, и отец кивает мне.

Один сдержанный кивок — и он поворачивается и идет к своему блестящему серебристому минивэну.

Все как всегда. Если мы выигрываем, я получаю кивок. Если мы проигрываем, я ничего

не получаю.

Когда я был помладше, после нашего проигрыша отец хотя бы изображал отеческую заботу, подбадривал улыбкой или сочувственно похлопывал по спине, если знал, что на нас смотрят. Но когда мы оставались наедине, сбрасывал маску.

Я залезаю в автобус и облегченно выдыхаю, когда водитель трогается с места, оставив отца в зеркале заднего вида.

Неожиданно я понимаю, что, вполне возможно, в следующие выходные я не буду играть, если не сдам экзамен по этике. И старик точно не обрадуется этому.

Хорошо, что мне плевать на его мнение.

Как всегда, мама звонит утром в воскресенье, и я всю неделю с нетерпением жду наших разговоров. В другое время возможности поговорить у нас нет, потому что днем я на занятиях, а вечером — на репетициях, и к тому времени, когда у мамы заканчивается вечерняя смена, — она работает продавцом в продуктовом магазине, — я уже вижу десятый сон.

Главный недостаток моей жизни в Массачусетсе — это невозможность видаться с родителями. Я страшно скучаю по ним, но, с другой стороны, мне нужно было уехать подальше из Рэнсома, из Индианы. После окончания школы я возвращалась домой только один раз, и после того визита мы решили, что будет лучше, если я туда больше никогда не приеду. Мои дядя с тетей живут в Филадельфии, так что мы с родителями встречаемся там на День благодарения и на Рождество. Все остальное время мы общаемся по телефону, а иногда, если повезет, им удастся наскрести денег и прилететь ко мне.

Конечно, такой вариант не самый идеальный, но родители понимают, почему я не могу приехать домой, а я не только понимаю, почему они не могут уехать из дома, но и знаю, что винить в этом нужно меня. Я также знаю, что всю свою жизнь буду стараться заглядить свою вину перед ними.

— Привет, солнышко. — Голос мамы окутывает меня, будто теплые объятия.

— Привет, мам. — Я еще лежу в кровати, завернувшись в одеяло и уставившись в потолок.

— Как экзамен по этике?

— Сдала на А.

— Молодчина! Я же говорила, что тебе не из-за чего беспокоиться.

— Поверь мне, было из-за чего. Половина группы не сдала. — Я кладу телефон на подушку и прижимаю его ухом. — Как папа?

— Хорошо. — Мама на мгновение замолкает. — Он взял дополнительные смены на лесопилке, но...

Я вся напрягаюсь.

— Но что?..

— Но, похоже, мы не сможем поехать к тете Николь на День благодарения.

Боль и сожаление в ее голосе для меня как нож в сердце. На глаза наворачиваются слезы.

— Понимаешь, нам пришлось чинить крышу — она стала протекать, — и на это ушли все сбережения, — признается мама. — У нас нет денег на перелет.

— А почему вы не хотите поехать на машине? — спрашиваю я. — Дорога не длинная... — Как же, пятнадцать часов в пути. Совсем не длинная.

— Если мы поедem на машине, папе придется взять дополнительные отгулы, а он этого себе позволить не может.

Я закусываю губу, чтобы сдержать слезы.

— Может, я смогу...

Я быстро подсчитываю, сколько денег мне удалось скопить. Их точно не хватит на три авиабилета до Филадельфии.

Зато хватит на один до Рэнсома.

— Я смогу прилететь домой, — шепчу я.

— Нет. — Ответ мамы четкий и недвусмысленный. — Ты не обязана делать это, Ханна.

— Всего на одни выходные. — Я пытаюсь убедить саму себя, а не ее. Пытаюсь игнорировать панику — мое горло сразу сжимается при одной мысли о возвращении. — Нам же не надо будет ездить в город или видаться с кем-то. Я буду сидеть дома с тобой и папой.

Снова пауза, на этот раз долгая.

— Ты действительно этого хочешь? Если да, то мы примем тебя с распростертыми объятиями, ты это отлично знаешь, солнышко. Но если ты сомневаешься, если у тебя нет стопроцентной уверенности, что здесь тебе будет комфортно, тогда я прошу тебя остаться в Брайаре.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Система оценок в образовательной системе США и Канады: А — отлично, В — немногим выше, чем средние знания, С — средние знания, D — присутствует значительное количество ошибок, E — работа выполнена очень плохо, F — результат не дотягивает до удовлетворительного уровня или стандарта.

Swank, Hilary — американская киноактриса (р. 1974).

С понтом, крутой чувак.

Футбольная и хоккейная команды штата Массачусетс.

Английский физик-теоретик, изучал теорию возникновения мира в результате Большого взрыва.

Телка, которую хочется трахнуть.

Общественная студенческая организация в университетах и колледжах Северной Америки, формируется по гендерному признаку.

Arnold, Benedict (1741–1801). Генерал США. Во время войны за независимость был предан суду за неправильное расходование казенных денег. В отместку решил передать англичанам городок Вест-Пойнт, расположенный у входа в реку Гудзон. Предательство было раскрыто, и Б. Арнольд бежал в Англию.

Посттравматическое стрессовое расстройство.

Поняла? (*итал.*).

Черт знает что.

Имеется в виду «греческая» система американских колледжей, которая включает в себя студенческие сообщества по интересам, братства и сестринства. Название произошло от первого студенческого сообщества, название которого состояло из трех греческих букв. Такие сообщество еще называют «организацией греческих букв».

Grease — экранизация (1974) бродвейского мюзикла. Жизнь американской молодежи в 1950-х гг., фильм принес известность Джону Траволте.

Ряд зданий в студенческом кампусе американского вуза, где расположены штаб-квартиры братств и сестринств.

James, Etta (1938–2012) — американская певица в стилях блюз, «соул», джаз и др.

Adkins, Adele Laurie Blue (род. в 1988) — британская певица в стилях блюз, «соул», поп-джаз.

Fitzgerald, Ella Jane (1917–1996) — американская певица, «первая леди джаза», 13-кратный лауреат премии «Грэмми».

Franklin, Aretha Louise (род. в 1942) — американская певица в стилях ритм-энд-блюз, «соул», её часто называют королевой соула.

Stand By Me (записана в 1960 г.) — песня в исполнении американского певца Бена Кинга (1938–2015), который считается классиком соул-музыки

Слишком много информации.

Birdy (англ.) — птичка.